

Евгений
ШВАРЦ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ш33

Серия основана
в 2007 году

Шварц Е. Л.

Ш33 Полное собрание сочинений в одном томе.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 1131 с.: ил. — (Полное собрание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-0839-9

В полном собрании сочинений во всем многообразии представлено творчество известного российского писателя-сказочника, драматурга и сценариста Евгения Шварца (1896 — 1958). Все знают и любят с детства его «Сказку о потерянном времени», «Обыкновенное чудо», «Тень», «Два клена», «Первоклассницу» и многие другие замечательные произведения. В издание вошли все его пьесы, сказки, повести и киносценарии.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9922-0839-9

© Шварц Е. Л. Наследники, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ПЬЕСЫ

УНДЕРВУД

Пьеса в 3-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мария Ивановна.

Иринка, Анька — ее дочери.

Варвара Константиновна Круглова по прозвищу Варварка.

Маруся — ее падчерица, пионерка.

Маркушка-дурочок — нищий, безногий, в колясочке на роликах.

Крошкин — студент техникума сценических искусств.

Мячик — студент политехникума.

Антоша — старик-часовщик.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Двор в пригороде или в дачной местности. В глубине двора двухэтажный дом. Наверху живет Мария Ивановна с дочерьми — Иринкой и Анькой. Комнату она сдает студентам — Мячику и Крошкину. Внизу, налево, живут Варварка и Маруся. Направо, как раз под комнатой студентов, в бывшей лавчонке — Маркушка-дурачок. Лето. Часов пять вечера. А нь к а поливает траву из стакана.

И р и н к а. Анька!

А нь к а. Чего?

И р и н к а (*шепотом*). Что я видела!

А нь к а. Чего?

И р и н к а. Подойди сюда! Скажу.

А нь к а. Да-да!

И р и н к а. Что да-да?

А нь к а. Я подойду, а ты плюнешь.

И р и н к а. О! Есть мне время на всех плевать. Что я, дождик, что ли? Иди сюда!

А нь к а. А вчера ты зачем плюнула?

И р и н к а. Нечаянно! Да иди же сюда!

А нь к а. Нечаянно! Прямо в ленточку в новую. Нечаянно!

И р и н к а. Так ты же сейчас без ленточки. Иди! Интересное!

А нь к а. Мало ли что... Интересное! Я тебя знаю! Хочешь что сказать — иди ты сюда!

И р и н к а. Ну тогда погоди. Я сейчас.

А нь к а (*продолжает поливать траву*). Погоди... И погожу! Я никуда не бегу. Куда бежать-то? Что я — лошадь? Мать, наверное, уснула. Куда же бежать-то?

И р и н к а (*выбегает*). Брось поливать!

А нь к а. Они пить хотят...

И р и н к а. Брось поливать! Послушай, что я знаю!

А нь к а. Наверное, ничего и не знаешь?

И р и н к а. Нет, знаю. Интересное! Про мачеху, про Марусину!

А нь к а. Про Варварку?

Иринка. Ну да! Интересное...

Анька. О?!

Иринка. Вот тебе и «о»!

Анька. Ну!

Иринка. Вот тебе и «ну» — она деньги считала!

Анька. Деньги?

Иринка. Деньги. Во какую массу! Как кирпич. Толстую!

Анька. Рубли?

Иринка. Какие там рубли! Червонцы...

Анька. Ну вот и врешь... Откуда у нее червонцы? Она же бедная! На пенсии. Откуда же у нее? Как же ты увидела?

Иринка. Да ты слушай. Видишь вон то гнездо?

Анька. То?

Иринка. Да!

Анька. Воробьиное?

Иринка. Да!

Анька. Под крышей?

Иринка. Да! Да! Да! Полезла я туда за мышонком...

Анька. Зачем?

Иринка. Да за мышонком же! Я туда вчера живого мышонка посадила.

Анька. Мышонка? Живого? А мне не сказала!

Иринка. Да ведь я же о другом говорю сейчас!

Анька. Сестра называется... Мышонка поймала, а мне...

Иринка. Да это же вчера было, когда ты в городе была! Я у кошки его отняла, а он совсем живой. Ну, я его туда... Хотела глянуть, как воробки удивятся... Ну вот... Лезу я...

Анька. Удивились?

Иринка. Ах да не знаю я! Воробьята запищали, а старых дома не было. А тут меня мама обедать позвала. Я побежала и забыла. Только-только вспомнила. Полезла, глянула, нету там мышонка... Лезу обратно...

Анька. А где же он? Мышонок?

Иринка. Да не знаю! Ну, съели его, что ли!

Анька. И хвост?

Иринка. И хвост. Да ты слушай! Я же о другом рассказываю! Лезу я обратно — и глянула нечаянно к Варварке в окно. Смотрю — сидит она на полу, страшная-страшная, в круглых очках. Сидит и деньги считает. Одну доску из пола вынула, оттуда и достает она деньги-то.

Анька. Н-ну!

И р и н к а. Посчитает-посчитает и закрутит головой, как га-
дюка!

А н ь к а. Зачем?

И р и н к а. Смотрит — не подглядывает ли кто!

А н ь к а. Я б с трубы сорвалась от страху.

И р и н к а. А я скорей назад.

А н ь к а. Мама говорит: она Марусю голодом морит. А папа го-
ворит: она же бедная — пенсия маленькая. Вот так бедная!

И р и н к а. Откуда ж деньги-то?

А н ь к а. Наверно... Наверно, она разбойница!

Г о л о с В а р в а р к и. Опять, опять, опять выросла!

А н ь к а. Она!

И р и н к а. Варварка!

А н ь к а. Разбойница!

И р и н к а. Бежим!

Убегают.

В а р в а р к а (*за окном*). Опять она выросла... А? Нет, вы толь-
ко посмотрите. Опять выросла. Скандалистка!

М а р у с я (*за окном*). А я виновата!

В а р в а р к а. Четырнадцать лет, а выше матери на целую голову!

М а р у с я. Вы мне не мать, а мачеха!

В а р в а р к а. Все равно, я вдвое тебя старше! Растет, растет, са-
ма не знает чего!

М а р у с я. Трава и то растет.

В а р в а р к а. Замолчи!

М а р у с я. Трава и то растет, а я — человек.

В а р в а р к а. Человек нашелся какой! Ты не человек, а девчонка!

М а р у с я. Чего вы шиплетесь?

В а р в а р к а. Я не шиплюсь, а на окно показываю. Открой ок-
но! Темно мне...

Распахивается окно. За окном Варварка и Маруся.

В а р в а р к а. Ну, так и знала! На четыре пальца! Разорение! На
четыре пальца!

М а р и я И в а н о в н а (*показывается из-за занавески в окне
второго этажа. Сонно говорит в пространство*). Здравствуйте, Вар-
вара Константиновна! Что, у вас опять Маруся выросла?

В а р в а р к а. Здравствуйте, Мария Ивановна! Опять выросла!
Какая вы счастливая... Ваши девочки как девочки, а моя каждый
день растет!

Мария Ивановна (*сонно*). Вы подумайте! Неужто каждый?

Варварка. Я ее вымерила, я ее высчитала, я в очереди отстояла. Я еле-еле отскандалила, чтобы приказчик ровно метр восемнадцать с половиной сантиметров отрезал. А она возьми да и вырасти на четыре пальца!

Маруся. Цыпленок и то растет.

Варварка. Молчи! Отпустят мне теперь в лавке сатину четыре пальца? А? Отпустят? Цыпленок...

Маруся. Чего вы щиплетесь?

Варварка. Я не щиплюсь, я тебе на дверь показываю. Ступай, переоденься. Цыпленок... Вот сделаю тебе вставку из своей старой юбки, тогда узнаешь, что за цыпленок... Ступай.

Маруся уходит.

Мария Ивановна. Охо-хо-хо-хо!

Варварка (*шьет*). Чего вздыхаете?

Мария Ивановна. После обеда живот большой. Ляжешь — он тебе на душу давит. Поспишь — на душе тяжело.

Варварка. А вы не спите!

Мария Ивановна. Нельзя. Я сегодня ночь не спала.

Варварка. Отчего?

Мария Ивановна. От снов.

Варварка. От снов не спали?

Мария Ивановна. Ну да! От страшных снов.

Варварка. Что же вы видели?

Мария Ивановна. Старички на костыликах бегают, блошки пляшут. В голову мне гвоздики забивают...

Варварка. Отчего же это сны такие?

Мария Ивановна. От пишущей машинки.

Варварка. От чего?

Мария Ивановна. От пишущей машинки. Студенты — жильцы мои — хорошие люди, а беспокойные. Тот, что на актера учится, — кричит, кричит, кричит — будто начальство какое. А тот, что на инженера, — принес домой пишущую машинку. Всю ночь: тук, тук, тук! тук, тук, тук! тук, тук, тук! А мне снятся гвоздики, блошки, костылики. Гвоздики, блошки, костылики...

Варварка. Где ж это он так разбогател — машинку купил?

Мария Ивановна. Что вы — купил... Ее не купишь. Это ему из института дали. Доклад, что ли, спешный отпечатать. А купить ее разве возможно!

Варварка (*бросает шить*). Дорогая?

М а р и я И в а н о в н а. Тысячу рублей!

В а р в а р к а. Как?

М а р и я И в а н о в н а. Что это вы так всполохнулись?

В а р в а р к а. Укололась об иголку. А почему вы знаете, что она тысячу стоит?

М а р и я И в а н о в н а. Во вчерашней «Вечерке» читала. Похищена откуда-то там машинка... фабрика, кажется, «Ундервуд» — в тысячу рублей.

В а р в а р к а. Бывает... Однако пора и самовар ставить... Маруся! Маруся! Найди мне газету самовар развести. Маруся! Найди мне вчерашнюю газету!

М а р и я И в а н о в н а. Батюшки! Что же это я? Совсем забыла, что я пить хочу. Иринка! Аня! Где же вода-то?

А н ь к а (*из окна рядом*). Я водой траву полила!

М а р и я И в а н о в н а (*сонно*). Кипяченой водой? Траву?

А н ь к а. Что ж, что кипяченой. Зато холодной!

М а р и я И в а н о в н а (*сонно*). Принеси опять.

А н ь к а. Принесу! Только ты не засни.

М а р и я И в а н о в н а (*сонно*). Не засну, если ты скоро.

А н ь к а (*во дворе со стаканом*). Иринка! Иринка!

И р и н к а выбегает во двор.

И р и н к а. Чего тебе?

А н ь к а. Идем в погреб за водой!

И р и н к а. Сама не донесешь, что ли?

А н ь к а. Боюсь я. Страхов насаждала про Варварку!

Убегают в погреб. Из дому выходит М а р у с я. Что-то ищет под окном. Из погреба выбегают А н ь к а и И р и н к а. Увидев Марусю, замерли. Стоят и глядят на нее.

М а р у с я (*тихо и печально*). Девочки! Не видели тут газеты под окном? Вчерашней? Мачеха велела найти... Чего вы на меня устались? Неужто я еще выросла?

А н ь к а. Нет. (*Ставит воду на скамейку.*)

М а р у с я. Так чего же? (*Еще печальней.*) Выкатили гляделки, будто куклы какие-нибудь.

И р и н к а (*кидается к Марусе*). Она тебя бьет. Она тебя убьет.

М а р у с я. Что ты, что ты...

А н ь к а. Она — разбойница, разбойница!

М а р у с я. Кто?

И р и н к а. Мачеха!

М а р у с я. С чего ты взяла?

И р и н к а. Она деньги считала! Во какую гору! На полу сидела.
М а р у с я. Когда?

И р и н к а. После обеда! Я под крышу лазила, в окно увидела.

М а р у с я. В какое окно?

И р и н к а. Вон в то!

М а р у с я. Ну да! Она там после обеда на ключ запиралась.

И р и н к а. Откуда у нее деньги-то?

А н ь к а. Она разбойница, наверное! Она и тебя из детдома взяла, наверное, чтобы убить!

М а р у с я. Вот оно! Этого я и ждала! Этого я и ждала все время! Вот оно. Что же делать-то?

И р и н к а. А ты к нам переходи. У нас живи!

А н ь к а. На диване у нас живи пока.

М а р у с я. Я так и знала, что дело неладно. Всегда она запирается, всегда в город ездит — а зачем ей? Знаете, девочки, она вчера телеграмму получила, а там написано: «Цены прежние».

А н ь к а. Ну!

И р и н к а. Прежние?

М а р у с я. Что это за телеграмма? Знаете, девочки, будь она просто злая старуха, я бы с ней живо справилась. А она непонятная старуха!

А н ь к а. Очки носит...

М а р у с я. После обеда каждый день сядет она за стол, счета из шкафа достанет — и давай считать, на счетах щелкать. Щелк-щелк, будто кассирша в кооперативе.

А н ь к а. В «Пролетарии»?

И р и н к а. Заткнись!

М а р у с я. Откуда у нее деньги? Наворовала? Будет суд, спросят меня: «Как это так, восемь месяцев жили у нее — и не знаете, чем она занимается?» А у нее разве узнаешь? У нее все с хитростью. Щиплется — и то так, что не придерешься. Положит руку на плечо, будто так себе, и между пальцами как зажмет! А скажешь ей: «Чего вы щиплетесь?», она сейчас же: «Я не щиплюсь, я показываю» или...

Из лавчонки выезжает в колясочке на роликах М а р к у ш к а.

М а р к у ш к а. Сено! Солома! Трава! Клевер! Турнепс! Пальмы! Горох! Табак!

Убегает, сделав по сцене два-три круга.

А н ь к а. Маркушка-дурачок побежал милостыню собирать.

М а р у с я. А как она меня надула, когда я в лагерь собиралась с отрядом! Свалилась, стонет, сознание теряет...

И р и н к а. У нас было слышно...

А н ь к а. У нас было слышно, как она сознание теряет.

М а р у с я. Я и поверила и осталась — и вот теперь сижу здесь одна. А отряд неизвестно где. Не знаю, как проехать. Ей даровой прислугой осталась.

А н ь к а. Я очень боюсь ее. Очень.

М а р у с я. Мячик! Мячик!

А н ь к а. Ай! Ай! Что она делает! Ай!

И р и н к а. Не надо.

М а р у с я. Что с вами?

А н ь к а. Зачем Мячик?

М а р у с я. Посоветоваться! С кем же еще?

А н ь к а. Ай, что ты! Он ведь... Он сразу пойдет узнавать, расспрашивать...

И р и н к а. Он сразу начнет кричать: «Осмотришься и борись!»

А н ь к а. Варварка рассердится и всех нас поубивает. Она непонятная!

М а р у с я. Не говори глупостей! Мячик!

И р и н к а. Ну постой, ну еще минуточку дай отдышаться. И зачем, зачем ты к ней из детдома пошла?

А н ь к а. Сидела бы там.

М а р у с я. Я скучала очень, когда отец помер и бабушка померла. Они ведь мне про Варварку ни слова не говорили. Я ж не знала, какая она. А она пришла в детдом голубь голубем, и все документы в порядке.

А н ь к а. Я б эти документы порвала — да в нее.

М а р у с я. Не порвала бы. Там все поверили, что она голубь. И арифметик, и заведующий. Уж на что умница Фекла, кухарка, и та поверила. А уж она, кажется, всякого насквозь видела. Кто лишнюю порцию съел, кто окно выбил — все Фекла узнавала, только глянет. А вот на Варварке прошиблась Фекла. У тебя, говорит, будет теперь родная мать. Вот. Посмотрела бы она на эту мать...

И р и н к а. Хороша мать!

М а р у с я. Голодом морит! Сегодня на обед одно первое, завтра одно второе. Я один обед два дня ем! И с чего это я расту? Куда ты, Аня?

А н ь к а. Я тебе поесть принесу!

М а р у с я. Не надо мне! Не до того. Мячик! Мячик!

В окне показывается К р о ш к и н.

Крошкин (*театрально хохочет*). Ха-ха-ха-ха-ха! Мячик занят... Ха-ха-ха...

Иринка. Чего ты?

Крошкин. Учусь. Это горький смех. Ха-ха-ха-ха! Ну что? Чувствуете? Дошло?

Иринка. Сказать ему?

Маруся. Ну да!

Иринка. Дядя Крошкин, спуститесь к нам!

Крошкин. О! Чего вы... так взволнованы... о... девочки двора?

Анька. Скажем что-то страшное про...

Иринка. Тссс-с!

Крошкин. О... я... заинтересовался... трепеща! Сейчас прибегу... как будто козочка... бегом... и кувырком... (*Скрывается.*)

Анька. Что, у него опять зачет?

Иринка. Ну да! Видишь, как складно говорит.

Анька. А когда он совсем на актера зачтется?

Иринка. Его спроси!

Крошкин. Ну вот и я... с ногами и... и... и ушами. О! В чем дело?

Маруся. Дядя Крошкин, у меня беда.

Крошкин (*серьезно*). Опять выросла?

Маруся. Да это пустяки!

Крошкин. Как пустяки! Нет, брат, это не пустяки. Рост — это дело ого-го!

Маруся. Да ты послушай!

Крошкин. Рост — это дело... крупное. Недавно заработал я десятку на халтуре...

Иринка. Постой! У нас беда!

Крошкин. Сейчас! Захотел я что-нибудь себе подарить — и невозможно! Самая большая рубашка — и мне рукава до сих пор!

Анька. Послушай нас, дядя!

Крошкин. Сейчас! И придется мне рукава наставлять. А кто мне наставит? Брюки хотел купить — и брюк по мне нет. По сих пор самые длинные. Ничего себе подарить не могу! А ты говоришь — рост пустяки... Рост — это...

Маруся. Дядя Крошкин! Пожалуйста, очень я тебя прошу. Важное дело.

Крошкин. Ну, ладно! Слушаю. (*Садится с размаху на стакан с водой.*) Караул! Тону!

М а р у с я. Ну вот! Все заржали! С вами никогда дела не делать. Мячик! Мячик!

А н ь к а. Маруся, не надо!

И р и н к а. Маруся! Он ведь очень рассердится.

А н ь к а. И она рассердится.

И р и н к а. И нам плохо будет.

А н ь к а. И тебе плохо будет.

М а р у с я. Бросьте, девочки! Мячик!

Девочки плачут.

К р о ш к и н. Ревут! Честное слово, ревут! Ревут, как тигры. Раньше Мячик — любимец публики, а теперь он вдруг вызывает слезы... В чем дело?

А н ь к а. Мы боимся!

К р о ш к и н. Кто?

И р и н к а. Она Варварки боится.

К р о ш к и н. А ты?

И р и н к а. И я!

К р о ш к и н. Ничего не понял! При чем здесь Мячик?

М а р у с я. Мячик! Мячик!

Распахивается окно.

М я ч и к. Кто меня звал? Ты, Маруся?

М а р у с я. Я, Мячик.

М я ч и к (*выпрыгивает из окна*). Ты? По делу?

М а р у с я. Я. Да.

М я ч и к. По важному?

М а р у с я. Да!

М я ч и к. Если так, то постой. Ать-два! Ать-два! Ну вот, опять на плечах голова. А то был котел. Шутка ли? Всю ночь печатал. Какое дело?

М а р у с я. Иринка у мачехи видела во какую гору денег! Она на пенсии. Откуда же деньги-то?

М я ч и к. Что-что? Деньги?

А н ь к а. Это Иринка видела, не я...

И р и н к а. Я... Она... Мы... боимся...

М я ч и к. Глупости! Осмотрись — и борись! Что за ерунда! Не дрожать! Деньги там были? Не ошибаешься?

М а р у с я. Нет! Я давно вижу что-то неладное, очень что-то неладное делается у нас. Как быть? А? Мячик!

Мячик. Маруся, Маруся, где ты так избаловалась? Осмотришь и борись — понятно? Осмотришь и борись! А мы поможем...

Маруся. Откуда у нее деньги? Награбила?

Дверь в квартиру Варварки распахивается.

Варварка. Здравствуйте, молодые люди. Что глядите так? Впервой видите?

Крошкин. Привет вам... о герцогиня! Хотя, конечно, не впервой, но вроде как бы и впервой!

Варварка. А вы все пьесы учите? Все из роли?

Крошкин. Хоть не из роли, но в этом роде.

Варварка (*Мячику*). А вы всю ночь печатали?

Мячик. Да!

Варварка. Устали небось?

Мячик. Да!

Варварка. А трудно это — научиться печатать?

Мячик. Нет!

Варварка. А какая у вас машинка? Какой фабрики?

Мячик. «Ундервуд»!

Варварка. А ты что стоишь? Я тебе велела «Вечерку» вчерашнюю найти. Я хочу самовар развести. Где газета? (*Кладет Марусе руку на плечо.*)

Маруся. Да чего вы щиплетесь?

Варварка. Я не щиплюсь, я тебя направляю! Ступай, ищи.

Крошкин. О герцогиня! Не посылайте искать... сию малютку. Вот вам газета.

Варварка. Так ведь это «Правда»!

Крошкин. Но, герцогиня, газета вам нужна для самовара. Ведь «Правда» больше «Вечерки»?

Варварка. Действительно, я напутала. Давайте «Правду», все равно!

Крошкин. О нет, зачем же! Мне тоже все равно. (*Опускается на одно колено.*) О герцогиня, вот вам «Вечерка».

Варварка. Спасибо! (*Кладет Марусе руку на плечо.*) Идем!

Маруся. Чего вы щиплетесь?

Варварка. Я не щиплюсь, я тебя зову. Идем.

Маруся. Сейчас.

Варварка уходит.

Что мне делать, братцы? Что мне делать?

Крошкин. Иди и возвращайся!

Ма р у с я. Хорошо. *(Убегает.)*

Ма р и я И в а н о в н а *(сонно)*. Иринка! Анька! Где же вода?

И р и н к а. На нее дядя Крошкин сел.

Ма р и я И в а н о в н а *(сонно)*. На кипяченую воду сел?

И р и н к а. Так ведь нечаянно!

Ма р и я И в а н о в н а *(сонно)*. Принеси еще!

И р и н к а. Так ведь ты опять заснешь.

Ма р и я И в а н о в н а. Не засну, если ты скоро.

Из окна студентов хор. Радио.

И р и н к а. Радио! Бежим скорей за водой.

А н ь к а. А потом послушаем. Да?

И р и н к а. Да! Бежим скорей!

Убегают.

М я ч и к. Ну что скажешь, товарищ Крошкин?

К р о ш к и н. Дело неясное, товарищ Мячик.

М я ч и к. Какие они деньги видели? Правду говорят?

К р о ш к и н. Несомненно, правду. Они тут ревели. Они — девочки веселые. Если ревут, значит, что-то неладно.

М я ч и к. Тут разобраться надо.

К р о ш к и н. Это так.

Девочки выбегают из погреба.

А н ь к а. Еще не кончилось радио...

И р и н к а. Мама! Мама! Я принесла воду! Спит.

А н ь к а. Что это они играют?

М я ч и к. А не знаю, сюда не слышно было, как объявляют.

Ма р у с я выбегает из дверей.

Ма р у с я. Братцы, дорогие мои! Что мне делать? Вы радио слушаете, по домам пойдете, а я к ней на мученья! Вы будете спать, а мне конский волос щипать!

М я ч и к. Какой конский волос?

Ма р у с я. Бросила мне сейчас матрас грязный, старый, в помойной яме нашла, что ли. «Выщипи, говорит, из него конский волос».

И р и н к а. Зачем?

Ма р у с я. А разве я знаю? Выщипи и в мешок набей. Что делать, товарищи? А? Куда деваться?

Мячик. Ох Маруська, Маруська! И когда это ты так избаловалась? О чем мы вчера говорили?

Маруся. Ах, не помню! Посоветуй, что делать, Мячик! А? У нас там такая сырость да грязь, а теперь еще деньги эти...

Мячик. Маруська, мы вчера с тобой говорили об Индии. Верно?

Маруся. Ну, верно.

Мячик. Что ты мне говорила? Ах, счастливые индусские пионеры! Ах, у них там борьба. А теперь заныла? Когда до борьбы дошло — заныла? Как только непонятное положение, опасность — плачешь? Это, брат, только в книгах: чуть что — отряд на выручку спешит, а в жизни не угодно ли иной раз и одной попробовать.

Маруся. Да ведь тут мачеха, а не...

Мячик. А мачеха тебе не враг? А откуда у нее деньги? Осмотришь и борись, а мы поможем, а если понадобится — позовем на помощь и...

С улицы крик: «Дерево!»

Анька. Маркушка-дурачок с милостыни вернулся.

С улицы: «Листик!»

Мячик. Идем к нам. Поговорим обо всем подробней.

Влетает Маркушка-дурачок.

Маркушка. Дерево! Листики! Кустики! Веточки! Планочки! Палочки! Рамочки! Вагоны!

Маруся. Братцы, что он ко мне пристал!

Маркушка. Почки! Сучочки! Оглобли!

Иринка. Не трогай меня!

Все уходят. Маркушка один бегаёт по площадке.

Маркушка. Окно! Стекло! Стакан! Рюмочки! Лампочки! Чернильница! Телескоп! *(Подходит к Варваркиному окну.)* Очки! Хлеб! Пышки! Пирожки! Караваи! Булки! Батончики! Розанчики! Корки!

Варварка *(высовывается из окна)*. Это ты, Маркушка?

Маркушка. Я, Варюша.

Варварка. Подойди-ка сюда. Они все радио слушают?

Маркушка. Да, они все наверх пошли.

Варварка *(вытирает ему лоб платком)*. Опять ты весь потный! Недаром говорила мама-покойница: Маркушке простудиться — пусяк. Застегни ворот.

Маркушка. Как дела?

Варварка. А дела неплохи! Сегодня считала... Знаешь, сколько мы за прошлый месяц заработали?

Маркушка. Ну?

Варварка. Триста пятьдесят рублей. Рубашка-то у тебя какая грязная! Намоталась я сегодня, не успела я тебе смену выстирать... Да! Триста пятьдесят.

Маркушка. Это мы тогда задешево часы купили. Золотые-то.

Варварка. Ну уж и задешево. Краденые! Продали хорошо, это верно. А купили... Краденые еще дешевле можно купить. Погляди на меня! Что это глаза у тебя такие мутные? У тебя жар!

Маркушка. Какое там! Нет!

Варварка. Почему ты знаешь?

Маркушка. Чувствую.

Варварка. Ты чувствуешь! Помнишь, когда у тебя корь была? Когда тебе девять лет было? Тоже на ногах ходил, пока сыпь не высыпала.

Маркушка. То когда было. Пирожок мне обещала. Спекла?

Варварка. Ой, братик миленький, просто забыла! Замоталась с машинкой с этой.

Маркушка. С какой машинкой?

Варварка. Ох ты господи! О главном-то и забыла. Дело есть! Прибыльное. Читай.

Дает Маркушке вырезку из газеты.

Маркушка (*читает*). «Из помещения рабкома пищевиков похищена пищевая машинка системы «Ундервуд». Стоимость похищенного около тысячи рублей». Ну?

Варварка. Около тысячи рублей. А? Когда мне эта соня верхняя сказала, я не поверила. Я и не думала, что машинка столько стоит. Я сейчас давай газету искать. Нашла — и вот видишь — верно! Тысячу рублей.

Маркушка. Да нам-то что до этого?

Варварка. Да студент-то! Верхний! Машинку домой принес! «Ундервуд»!

Маркушка. Так!

Варварка. Я Маруське велела мешок конского волоса нащипать. Когда никого не будет, мы ее вытащим. В мешок. Да и в город. Конский волос мягкий. Ничего не поломается.

Маркушка. Ай да Варюша! Только нет. У меня другой план есть. Мы не так вытащим.

Окно Марии Ивановны распахивается настежь.

М а р и я И в а н о в н а. Нет! Нет! Так вот вы кто! Нет! Нет! Нет!
В а р в а р к а. Это еще что за глупости?!

Маркушка выскакивает из колясочки. Ноги у него здоровые. Бросается к водосточной трубе.

М а р и я И в а н о в н а. Не позволю моего жильца обкрадывать! Это не его вещь, это казенная вещь!

В а р в а р к а. Мария Ивановна, за-мол-чи-те!

М а р и я И в а н о в н а. Нет! Нет! Нет! Ой, у меня пояс лопнет сейчас. Не замолчу! Воры!

М а р к у ш к а (*у ее окна поднялся по водосточной трубе*). Молчи!

М а р и я И в а н о в н а. Ой!

М а р к у ш к а. Молчи, или тебе худо будет. Поняла? Молчи, или тебе худо будет!

М а р и я И в а н о в н а. Худо будет...

В а р в а р к а. Повтори ей, Маркушка! Она плохо поняла.

М а р к у ш к а. Если хоть один человек узнает, о чем я с сестрой говорил сейчас, тебя на дне морском отыщу. С того света вернусь! Я т-т-тебя...

М а р и я И в а н о в н а. Ой, зубы какие! Да не скаль ты зубы! Зубы какие!

М а р к у ш к а. Поняла?

М а р и я И в а н о в н а. Да!

М а р к у ш к а. Будешь молчать?

М а р и я И в а н о в н а. Да!

М а р к у ш к а. Запомни! (*Спрыгивает на землю, бежит к себе*.)

М а р и я И в а н о в н а. Что же это будет? Что же это будет?

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Декорация первого действия. Два часа дня.

М а р и я И в а н о в н а. Девочки! Девочки! Девочки! Нету их... Девочки... милые. Пропали... Иринка! Анька!

И р и н к а (*выходит с Анькой из-за дома*). Чего тебе?

А н ь к а. Кричит, как автомобиль. (*Передразнивает.*) «Девочки! Девочки!»

М а р и я И в а н о в н а. Да как вы можете со мной так разговаривать?

И р и н к а (*выходит с Анькой из-за дома*). А что?

М а р и я И в а н о в н а. Мне же обидно!

А н ь к а. А нам не обидно?

И р и н к а. Подругу себе какую нашла!

А н ь к а. С разбойницей подружилась...

М а р и я И в а н о в н а. С какой разбойницей? Откуда ты знаешь?

И р и н к а. Чего там знать! Сидела у тебя Варварка с восьми часов утра? Сидела!

М а р и я И в а н о в н а. Какая же она разбойница?

А н ь к а. А что, я тебе не рассказывала, как деньги она считала?

М а р и я И в а н о в н а. Может, то были ее деньги.

А н ь к а. Откуда?

И р и н к а. Сидишь с ней целое утро...

А н ь к а. А нас в лавочку посылаешь за макаронами!

И р и н к а (*выходит с Анькой из-за дома*). А у нас их в кладовой два кило! Еще папа с кооператива принес!

А н ь к а. Значит, нарочно посылала, чтоб с ней поговорить!

И р и н к а. Секреты разговаривают подруги новые. Ну и сидите с ней!

А н ь к а. Записывайтесь в разбойницы!

И р и н к а (*выходит с Анькой из-за дома*). А нас не зовите. Пойдем, Анюта!

Мария Ивановна. Девочки! Побудьте тут.

Анька. Пойдем, Иринка!

Мария Ивановна (*отчаянно*). Девочки, я прошу же! Сядьте тут, у двери. Сидите тут, а то я вас насмерть забью! Сидите, я вам гривенник дам. (*Взглядывает на Варваркино окно и убегает.*)

Анька. Чего это она?

Иринка. Заболела?

Анька. Может, ей Варварка конфету дала такую?

Иринка (*выходит с Анькой из-за дома*). С каплями сумасшедшими...

Мария Ивановна возвращается.

Мария Ивановна (*шепотом*). Тут, тут, тут сидите.

Иринка. Мама!

Анька. Мама, не надо!

Мария Ивановна. Сидите тут, у двери, весь день и смотрите! Сидите и смотрите!

Иринка (*выходит с Анькой из-за дома*). На что смотреть-то?

Мария Ивановна. Не спрашивайте меня! Сидите! Смотрите! (С ужасом *взглядывает на Варваркино окно.*) Что же это такое?

Убегает.

Анька. Говорила я тебе...

Иринка. Что ты мне говорила?

Анька. Не помню... А только я знала!

Иринка. Что ты знала?

Анька. Что худо будет.

Маруся выбегает из дома.

Маруся. Девочки! Что у вас Варварка утром делала?

Иринка. Заперлась с мамой, целый час говорили.

Анька. А нас отправила за макаронами.

Маруся. Знаете что?

Анька. Ну?

Маруся. Она что-то против меня готовит.

Иринка. Почему ты думаешь?

Маруся. Она сегодня со мной ласковая-ласковая!

Анька. Н-ну?

Маруся. По комнатам летает прямо чижиком. Щечки красные. Сама себе мигает! Сама с собой говорит. С утра успела и у вас побывать, и в город съездила. А сейчас сидит мешок зашивает.

Анька. Какой мешок?

Маруся. Тот, что конским волосом я набила. А со мной лас-

ковая-ласковая. Но только меня она не проведет. Я ей теперь ни в чем не подчинюсь. Я рассердилась!

А нь к а. На кого?

Ма р у с я. На нее.

А нь к а. А раньше ты разве на нее не сердилась?

Ма р у с я. Да что ты меня все спрашиваешь и спрашиваешь? Я сама ничего не знаю. Я только знаю, что некогда! Некогда! Готовит она что-то. Надо ей мешать.

Из дома выходят Крошкин и Мячик.

Крошкин. Девочки! Смотрите, какая у меня улыбка.

А нь к а. Большая...

Крошкин. Скорбная! Это — скорбная называется. Я ее сегодня нашел.

А нь к а. Где?

Мячик. Ну, идем, Крошкин, а то я опоздаю.

Мария Ивановна выходит.

Мария Ивановна. Вы куда уходите?

Мячик. Я к себе в институт, Мария Ивановна.

Крошкин. А я пройтись.

Мария Ивановна. Товарищи! Я прошу вас! Ох... *(Опускается на скамейку.)* Говорила я ему! Езжай в дом отдыха осенью! А он: «Нет, я на заводе устал». Уехал... А ведь я ему говорила!

Мячик. Кому?

Мария Ивановна. Мужу! Уехал... А тут вот оно что!

Мячик. Да что случилось?

Мария Ивановна. Ах, нет! Ничего, ничего. Вы куда уходите?

Иринка. Мама, они же сказали!

А нь к а. В институт, мама!

Мария Ивановна. Нельзя ли не уходить?

Мячик. А что?

Мария Ивановна. Ох, нет! Ничего, ничего! *(Шепотом.)* Прошу вас не уходить! Прошу!

Крошкин. Мария Ивановна! Да расскажите вы нам, в чем дело!

Мария Ивановна. Ах, ну... Что за настырные люди! Что рассказывать? Не надо вам уходить. *(Скороговоркой.)* Я видела во сне, что у вас пишущую машинку украли!

Мячик. Что?

Мария Ивановна. Пишущую машинку. Во сне! Во сне! И довольно! И сидите дома. *(Убегает.)*

Мячик. Что такое?

Крошкин. Она больна.

Иринка. Это ее Варварка! Варварка ее! Она сегодня у нас с утра сидела!

Мячик. Что за ерунда! Не может же она...

Маруся. Она все может! Вы не знаете ее — она все может! Я понимаю! Она пишущую машинку решила у вас украсть!

Мячик. А Мария Ивановна откуда это узнала?

Маруся. Ой, не будем сейчас думать откуда. Некогда, некогда. Надо скорее, скорее, скорее...

Мячик. Да что скорее-то?

Маруся. Ах, не знаю я! Неужто мы ее глупее? Она что-то готовит... Неужто мы не помешаем? Марию Ивановну запугала. Девочки! Мальчики! Вот при всех говорю: что бы она ни велела — не буду делать. Самый пустяк — и то не буду. Меня она не пугает.

Мячик. Хлоп! (*Прыгает.*) Хлоп! (*Прыгает.*) Хлоп! (*Прыгает.*) Ать-два! Ать-два! Ну вот, опять на плечах голова. А был котелок. Шутка ли... столько со всех сторон наговорили! Так что ты советуешь делать?

Маруся. Не ходить никуда.

Мячик. Это ерунда! Сейчас осмотрюсь. (*Задумывается.*) С одной стороны — уйти мне необходимо. С другой стороны — «Ундервуд» институтский, дорогой, только что из-за границы. Вывод вот какой: если есть опасность кражи, я должен помешать. Как? А вот как. (*Бежит в дом.*)

Крошкин. Девочки! Что вы плачете?

Иринка. Со стыда!

Анька. Мама теперь тоже разбойница!

Крошкин. Как вам не стыдно!

Маруся. Не ревите, девочки! Некогда, некогда!

Мячик в окне.

Мячик. Окно с улицы я ставней закрыл и припер. Это — щеткой припру. (*Запирает ставни.*)

Маруся. Не ревите, девочки! Стоят, глаза руками позакрывали. А сейчас надо во все глаза смотреть. Бросьте, я вам говорю! Ни в чем ваша мама не виновата! Она же вышла, сказала: берегитесь, мол!

Анька. А чего она так странно говорила?

Иринка. Как будто боялась чего!

Мячик выходит.

Мячик (*Крошкину*). Вот тебе ключ. Ты только пройтись шел, дыханье поупражнять, так вот, дыши во дворе. Останься на всякий случай. До свиданья!

Маруся. А может, мы сядем у тебя в комнате, рядом с машинкой, сторожить?

Мячик. Ну, это уж паника. Даже неприятно! К чему в такую погоду в комнате сидеть? Крутитесь тут, около, на всякий случай!

Маруся. А может, сказать мачехе прямо: мы тебя подозреваем! Руки прочь!

Мячик (*взглядывает на часы*). Ой! Потом, потом, Маруся! Я вернусь очень скоро! Тогда обсудим. (*Убегает.*)

Крошкин. Здорово, орлы! Смирно! Равняйся! Мы охраняем эту крепость... Ну чего вы? Чего? Сторожа! Смотри, Маруся, у них на носу лягушки завелись от сырости. Вон они — лягушки. Лови! (*Хватает Аньку и Иринку за нос.*) Есть! Э-э-э! Красноносые! Разве можно сторожить с такими красными носами? Подумают, что пожар... Пожарные команды приедут.

Маруся. Верно, девочки, бросьте. Не до того.

Анька. Я уже бросила... Я только вздыхаю! А все-таки, что же с мамой?

Иринка. Я ее такой никогда не видела!

Крошкин (*носится в дикой пляске вокруг девочек*). Заныли, заныли, заныли...

Анька. Что это ты?

Крошкин.

Довольно! Затрубили трубы.
Назавтра двинемся в поход.
Танцуют кони у порога,
А седла крепкие скрипят.
Поймаешь пляшущее стремя...

(*Мимически иллюстрирует стихи.*)

Анька. Смотрите, смотрите!

Крошкин. А вот еще. Из другой роли.

Спи, бедный пленник! Солнце закатилось,
болото налилось кровавым светом,
а камыши недвижны и неслышны,
как сторожа...

Маруся. К чему это?

Крошкин. Это чтобы они не ревели, гражданочка.

Маркушка (*за сценой*). Гвоздики!

Крошкин. Маркушка вернулся!

Маркушка. Проволоки!

Крошкин. Что это он сегодня рано?

Маркушка (*вбегает*). Рельсы! Звонки! Стрелки! Щеколды! Крыши! Мосты! Пуговицы! (*Пробегает в дом*.)

Крошкин (*заглядывает*). К вам побежал. Постояю у двери, чтоб к нам не побежал. А что он у вас делает?

Маруся. Не знаю! Забегает.

Крошкин. А мачеха ничего?

Маруся. Нет. Он вбегит, орет, прыгает, а она прибирается или шьет; а ему — ни слова. Боится, наверное, что ударит.

Анька. Его все боятся. Мама тоже боится.

Иринка. Пойду посмотрю, что мама делает. (*Уходит*.)

Крошкин (*пляшет у двери*). Девочки! Девочки! Ну что это в самом деле? Говорят не своим голосом, глядят не своими глазами.

Довольно! Затрубили трубы...

Анька. Смешно ты делаешь. А все-таки мне как-то неладно.

Крошкин. Ну на тебе еще. (*Пляшет*.) Теперь ладно?

Иринка возвращается.

Анька. Ну что?

Иринка. Мама лежит.

Анька. Спит?

Иринка. Нет, смотрит. Я говорю ей: «Ты что?»

Анька. А она?

Иринка. А она говорит: «Уходи вон!»

Анька. Мама так сказала?

Иринка. Да!

Анька. Никогда она раньше так не ругалась.

Иринка. У Варварки научилась.

Анька. А как же обед?

Иринка. Что обед?

Анька. Обед она не готовит?

Иринка. Нет. И печку не растопила. Лежит.

Анька. Что же это будет?

Маркушка (*пробегает к себе*). Камушки! Глина! Песочек! Кирпичики! Горы!

Анька. Значит, есть нам нечего?

Иринка. Хлеба поедим.

Анька. Может, за доктором сходить?

Иринка. Я спросила ее.

А нь к а. А она?

И р и н к а. А она говорит: «Они же еще обо мне беспокоятся!»
И ну реветь!

А нь к а. А ты что?

И р и н к а. А я скорей убежала.

М а р у с я. Хоть бы скорее началось. Что она задумала?

И р и н к а. Погода, как всегда, а кругом все другое...

М а р у с я. Так и ждешь... Так и ждешь...

К р о ш к и н. Заныли, заныли, заныли... *(Плещет в дверях.)*

Довольно! Загубили трубы.

Назавтра...

В а р в а р к а *(выходит)*. Какие хорошие есть институты на свете!

К р о ш к и н. Чего-с?

В а р в а р к а. Какие хорошие институты есть! Целый день можно дома сидеть, не учиться. Пляски выплясывать. Шуточки вышучивать. Позвольте пройти!

К р о ш к и н. Это куда же?

В а р в а р к а. К Марии Ивановне.

К р о ш к и н. Это зачем же?

В а р в а р к а. Вы опять шуточки вышучиваете?

К р о ш к и н. Нет, мне верно интересно.

В а р в а р к а. Какие могут быть у молодого человека интересы к старушечьим делам? Позвольте!

К р о ш к и н. Ой! Вы никак щиплетесь?

В а р в а р к а. Я не щиплюсь! Я вас отстраняю.

К р о ш к и н. Как вы странно отстраняете! Так синяк может получиться!

В а р в а р к а. Синяк — вещь не опасная. Посинеет, пожелтеет — и нет его! *(Уходит.)*

И р и н к а. Зачем ты ее пустил?

К р о ш к и н. Не драться же!

А нь к а. И ты ее побоялся?

К р о ш к и н. Нет как будто.

М а р у с я. Давайте... Иринка! Ты к этому гнезду по трубе лазила?

И р и н к а. Да!

М а р у с я. Лезь опять. У вас окна открыты, может, услышишь, о чем говорят.

И р и н к а. Ладно. Только ты, дядя Крошкин, рядом стань...

К р о ш к и н. Зачем?

И р и н к а. Может, я такое услышу, что с трубы свалюсь!

Крошкин. Ладно. Стой. Я тебя подсажу. Держишься?
Иринка. Сейчас! Ногу установлю.

Варварка выходит.

Варварка. А теперь с детишками в игры играет. Какой смешной молодой человек! Девочки! И вы, товарищ! Вас Мария Ивановна к себе просит!

Иринка. А что с ней?

Варварка. Скучает. Нездорова. Всех просит.

Анька. Идем! Идем, идем скорей!

Все, кроме Варварки, уходят.

Варварка (*у двери в лавочку*). Маркушка! Маркушка!

Маркушка. Что?

Варварка. Все сделано, как ты велел. Мария Ивановна всех позвала! Я приказала ей... Крошкина она задержит. Мячика я тут подстерегу. (*Смеется.*)

Маркушка. Чего ты смеешься?

Варварка. Смеюсь, какой ты у меня умница... Орел! Как сейчас вижу: идешь ты в матросском костюмчике, ножки в чулочках... Мама-покойница...

Маркушка. Не плачь, Варюша.

Варварка. Орел! Ботиночки на пуговичках... Ну хорошо, хорошо... Я перед работой всегда разволнуюсь... Ступай! А я за Марусю примусь.

Варварка (*одна*). Маруся! Марусенька! Пойди сюда на минуточку. Я тебя сейчас отпущу! На одну секундочку! Выйди, доченька! Выйди, милая! Выйди, красавица! Выйди скоренько!

Маруся. Что?

Варварка. Какая сердитая! Смотрит боком. Так можно глаз испортить. Косой станешь. Женихи не будут любить.

Маруся. Не обхаживайте меня.

Варварка. Что, Марусенька?

Маруся. Не обхаживайте меня! Я вас знаю! Меня вы все равно не обойдете!

Варварка. А раз все равно не обойду — чего же тебе беспокоиться? Чего же кричать?

Маруся. Я не кричу! Я тихо говорю! Я вас знаю! Я при всех обещалась ничего для вас не делать!

Варварка. Ну вот и хорошо, что ничего не будешь делать. Ну вот и успокойся!

Маруся. Не буду я больше у вас жить. Уйду.

В а р в а р к а. Куда?

М а р у с я. Не трогайте меня, я вас повалю!

В а р в а р к а. Я тебя и не думала трогать.

М а р у с я. У меня мускулы есть!

В а р в а р к а. Ну и на здоровье. Куда же ты хочешь уйти?

М а р у с я. Отряд искать.

В а р в а р к а. Вот тебе адрес.

М а р у с я. Ой!.. Какой?

В а р в а р к а. А ты какой, думаешь?

М а р у с я. Отряда.

В а р в а р к а. Нет. Это газеты вашей, пионерской, адрес. Там известно, где какой отряд стоит.

М а р у с я. Как же я сама раньше не подумала...

В а р в а р к а. Это уж я не знаю. Знаю, что завтра у них ремонт начинается, и неделю все будет закрыто. А я неделю ждать не хочу. Мне — прямо скажу — надоело врага дома иметь. За каждым шагом следишь. Дам тебе деньги — езжай в город, узнай адрес, и чтоб завтра же тебя не было. Езжай, езжай — там скоро закроют. Езжай!

М а р у с я. К своим поеду, к своим! *(Бежит к дому.)*

В а р в а р к а. Стой! По дороге заедешь, мешок отдашь на улицу Герцена, тридцать четыре.

М а р у с я. Какой мешок?

В а р в а р к а. Конский волос отвезешь, а в нем часы часовщику Антону Ивановичу. Улица Герцена, тридцать четыре. Квартира там записана на газете. Адрес — на обороте. Чего ты на меня устави-лась? Не хочешь — не вези. Только тогда я денег на трамвай не дам. Пешком пойдешь.

М а р у с я. Я посмотрю, что в мешке!

В а р в а р к а. Ну, езжай, езжай, а то там закроют.

Маруся бежит в дом.

(Стучит к Маркушке.) Ну?

М а р к у ш к а. Сделано.

В а р в а р к а. Спасибо. Маруська поедет. Ты есть хочешь?

М а р к у ш к а. В городе у Антошки поем. Ты поскорей туда...
Кожа...

Маруся выходит.

Ремни! Подошвы! Слоны! *(Убегает.)*

В а р в а р к а. До свиданья.

М а р у с я. Тяжелые часы какие!

В а р в а р к а. Мрамор!

Маруся. Девочки! Крошкин! Я в город еду спешно! Скоро вернусь!

Крошкин (*издали*). Ладно!

Варварка. Побежала! Беги! Беги! «Я вас знаю!» Молода ты еще меня знать-то! Я десять таких, как ты, вокруг пальца обовью да еще бантиком завяжу. Со мной, брат, и не такие умники плакали.

Входит Мячик.

Мячик. Куда это Маруся помчала?

Варварка. А не знаю! Я вас хотела спросить. Думала, вы ее куда послали.

Мячик. Так меня ведь дома не было!

Варварка. Я не знаю, где вы были. Мешок — не мой, а бежала она с вашей лестницы. Чего оглядываетесь? Товарища ищете? Он у Марии Ивановны!

Уходит к себе.

Мячик. Крошкин! Крошкин!

Крошкин (*издали*). Бегу!

Мячик. Хорош сторож! Где ты пропал!

Крошкин. Ну, брат, тут такая буза! Позвала меня Мария Ивановна и давай мне и девочкам сказки рассказывать.

Мячик. Какие?

Крошкин. Настоящие! Про Бабу-ягу, про Кошея. Я хотел уйти, а она плачет.

Мячик. Совсем, что ли, спятила?

Крошкин. Вроде.

Мячик. Где ключ? Идем.

Крошкин. Ты ступай один. На ключ. А я тут, на воздухе, посижу. Отойду. А то у меня от сказок от этих в голове манная каша.

Мячик уходит. Анька и Иринка входят.

Иринка. Прогнала она меня!

Анька. И меня тоже. Злая вдруг стала! Красная! Уйдите, говорит, побегайте. А я уже есть хочу, а не бегать.

Мячик открыл окно.

Мячик. Ну, стража, все благополучно. Дверь не взломана, окна как были приперты, так и остались, и главное — машинка, вот она, на месте.

Машинку ясно видно из окна.

Крошкин. Ну и ладно.

Мячик. А все-таки отнесу я ее сегодня обратно в исполбюро. Напечатаю последние восемь страниц. *(Снимает футляр — машинки нет.)* Ой!

Крошкин. Что такое? Пропала?

Мячик. Все кругом было заперто. Я сам сейчас все запираю.

Анька *(плачет)*. Милиция! Милиция!

Мячик. И никто не проходил тут по лестнице?

Варварка в черной шляпе, с зонтом выходит из дома.

Варварка. Маруся проходила.

Иринка. Не ври!

Варварка. С большим мешком проходила Маруся. *(Мячику.)* Да вот и вы, товарищ, ее встретили!

Мячик. Не могла она взять машинку!

Варварка. Ах, у вас машинка пропала? Я и не говорю, что она взяла. А говорю, что она по лестнице проходила.

Крошкин. Что вы так спешите девочку обвинять?

Варварка. Я не обвиняю и не покрываю. Что видела, то и говорю.

Крошкин. Не сами ли вы ее с мешком и послали?

Варварка. Она при вас клялась меня не слушать. Она мне сама так сказала. Всего хорошего!

Иринка. Стой!

Анька. Стой!

Иринка. Маму запутала, а теперь Маруську! Я тебя не пушу.

Варварка. Попробуй.

Анька. Я тебя укушу!

Мячик. Девочки, назад!

Иринка. Почему?

Мячик. Назад! Всего хорошего.

Варварка. Ха-ха-ха! Вы прямо ихний командир! До свиданья! *(Уходит.)*

Мячик. Она знает, где машинка!

Иринка. А зачем отпустил?

Мячик. Выследить. Я, как собака, за ней следом пойду. Зубами вцеплюсь. Как из запертой комнаты средь бела дня машинку вытащили? Как?

Иринка. А Маруся? Маруся куда пошла?

Анька. Что за мешок у нее был?

Иринка. Чего она Варварку послушалась?

Крошкин. Что это такое? Что все это значит?

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Большая комната часовщика Антоши. Стенные часы.

Антоша (*поет*). Вот и комнату прибрал старичок Антоша. Он и му-ух выгнал вон — старичок Антоша. Вот и стулья все расставил старичок Антоша. Мог бы даже отдохнуть старичок Антоша, а тут такая неприятность от Варвары Константиновны! Должен гостью ожидать старичок Антоша и ее непременно задержать, непременно задержать! Сколько лет не видались.

Звонок.

Вот никак она звонит, пойдем, да и отопрем! (*Выходит.*) Войдите, войдите, гражданочка. (*Входит с Марусей.*) И мешок сюда несите. Положите мешок-то. Мешок небось тяжелый. Наверное, вы устали?

Маруся. Нет, я сильная.

Антоша. Сильная?

Маруся. Да!

Антоша. Как неприятно!

Маруся. Почему?

Антоша. Очень это неприятно старичку Антоше. Сейчас. Я сейчас. (*Уходит.*)

Маруся. Как он поет смешно! Как курица... Старичок!

Антоша (*из-за сцены*). Сейчас.

Маруся. Мне уходить надо!

Антоша. Сию минуточку! (*Входит и пристально смотрит на Марусю.*)

Маруся. Что вы на меня смотрите?

Антоша. Лицо у вас милое! Милое у вас лицо. Очень это мне неприятно.

Маруся. Какой вы, дедушка, странный. Я ухожу. До свиданья!

Антоша. Вот тут-то оно и начнется.

Маруся. Что начнется?

Антоша. Главные мои подлости.

Маруся. Что это значит?

Антоша. А значит, виноват, это значит, что вы не уйдете отсюда.

Маруся. Как!

Антоша. Это не я! Ох беда ты моя, беда! И вечно я впутуюсь... Не я... Приказано мне вас задержать!

Маруся. Кто приказал?

Антоша. Мачеха ваша, Варвара Константиновна!

Маруся. Ой!.. Зачем?

Антоша. Ну как зачем?.. Приказано! Не выпущу! Может, я и не знаю зачем. Ох беда ты моя, беда...

Маруся. Ну что же это опять начало делаться?! Дедушка!

Антоша. Что, милая?

Маруся. Ну отпусти!

Антоша. Нет! Я человек слабый! Не могу приказ нарушить!

Маруся. Пожалуйста!

Антоша. Нет! Нет! Нет!

Маруся. Я кричать буду! Стекла побью!

Антоша. Сочувствую! А только у нас окна во двор. А во дворе учреждения. А из учреждений все уже разошлись. Никто не услышит.

Маруся. Я дверь выломаю!

Антоша. Сочувствую! А только нет, не выломаете. Крепкая дверь. Прежний хозяин воров боялся — железом обил.

Маруся (*трясет Антошу за пиджак*). Выпусти меня сейчас же!

Антоша. Не надо меня трясти! Я старый!

Маруся. Отдай ключ!

Антоша. Вы мне часы раздавили! Не порежьтесь о стекло.

Маруся (*опускается на стул*). Несчастливая я девочка! Дылда я окаянная! Что ни сделаю, все себе во вред. Клялась я ее не слушаться — послушалась на свою голову. (*Закрывает лицо руками.*)

Антоша. Вот это... Это действительно... Как же это?.. Вы бы не плакали!

Маруся. Я не плачу...

Антоша (*сквозь слезы*). Зачем же вы тогда так сидите?

Маруся. Дедушка, пусти!

Антоша. Ох ты боже мой! Не велено!

Маруся. А зачем? Зачем? Зачем?

Антоша. Я, может, не знаю зачем.

Маруся. А не знаешь, так выпусти!

Антоша. Не смею.

Маруся. Боишься?

Маруся. Ну что ж, прямо вам скажу — боюсь! Двадцать лет я ее боялся. Привык! Как же это вдруг — не бояться?

Маруся. Я тебя сейчас повалю и вытащу у тебя ключ!

Антоша (*чуть не плача*). Сочувствую... А только нет, не вытаскиваете. Когда вы сказали, что сильная, я вышел и ключ запрятал. В такое место запрятал, что вам не найти...

Маруся. Ведь тебе меня жалко?

Антоша. Верно.

Маруся. Отдай ключ!

Антоша. Никак не могу. Я послушный.

Звонок.

(*Выходит.*) Молчать! Со мной не очень-то! Я так распоряжусь, что вы у меня... Кто там? Ах, это вы, Марк Константинович? Войдите. Пожалуйста. Молчать! Девочка, это я вам говорю. Молчать!

Входит Маркушка.

Маркушка. Что? Бунтует?

Антоша. Сладу нет, Марк Константинович! Да только со мной не очень! Я ее живо!

Маркушка. Дай мне, Антоша, тарелку, ножик, вилку. Уксу-су дай. На вот, нарежь колбасу.

Антоша. Сию секундочку. А что же это вы так, всухомятку? Зашли бы в кафе-ресторан.

Маркушка (*показывает на часы*). Видишь, сколько времени? Едва успел по делам сбегать. Куда там ресторан! Перехвачу, дождусь Варюшу и полетим. Придется автомобиль взять. Иначе не переправить сегодня машинку.

Маруся. Какую машинку?

Маркушка. Плохо колбасу теперь стали делать. Ни вкусу, ни духу.

Маруся. Что ты про машинку сказал? Чего ты здесь? Ты, значит, не дурачок? Не безногий.

Маркушка. То ли дело прежде была беловская колбаса! Ты ешь — и улыбаешься. На языке радостно.

Маруся. Обманщик! Притворщик! Я с тобой говорю! Отвечай же! Ты Варварке кто?

А н т о ш а. Брат.

М а р у с я. Брат?

М а р к у ш к а. И французская горчица куда-то пропала. Намажешь, бывало, ветчины кусок — толсто-толсто...

М а р у с я. Маркушка, говори про машинку! Про машинку говори!

М а р к у ш к а. А еще хорошо, когда колбаса горячая.

М а р у с я. Да что же это? Он меня дразнит? Дедушка!

А н т о ш а (*тихо и грустно*). Молчать!

Звонок.

М а р к у ш к а. А еще хорошо, когда колбаса горячая. Шпик прозрачный...

А н т о ш а. Пожалуйте, Варвара Константиновна. Все здесь! Все!

М а р у с я. И она!

В а р в а р к а (*Маркушке*). Здравствуй, деточка! Кушаешь? Кушай, кушай. (*Взглядывает на часы.*) Времени у нас в обрез. Я сама с ней поговорю. Маруська! Вот карандаш, вот бумага! Садись, пиши!

М а р у с я. Что?

В а р в а р к а. Письмо студентам, что ты машинку украла.

М а р у с я. Вы в уме?

В а р в а р к а. Спорить тут некогда! Напишешь! Иначе — ты меня знаешь. Я тебя в такие дела вкучу, что не только из отряда...

М а р у с я. Нет!

В а р в а р к а. Не только из отряда — тебя разом в тюрьму да в суд!

М а р у с я. И вас тоже.

В а р в а р к а. Меня не поймает! Я склизкая. Пиши! Так и так, машинку я украла и увезла в мешке!

Маруся кидается к мешку, переворачивает его: там белые мраморные часы и конский волос.

В а р в а р к а. А ты думала и верно увезла! Так бы я тебе ее и доверила.

М а р у с я. Зачем же...

В а р в а р к а. Затем же! В доме пропала вещь. А ты с мешком в город поехала. Кто взял? Ясно — кто! Тот, кто с мешком из дому уехал.

Взглядывает на часы.

Маруся. Они не поверят!

Варварка. Поверят! Мария Ивановна против тебя тоже покажет. Она, брат, у меня тоже запугана. Пиши!

Маруся. Нет!

Варварка. Да!

Маруся. Нет!

Варварка. Напишешь! Они в твое письмо хоть день да будут верить. А мне и это пригодится. Пиши!

Маруся. Не напишу!

Маркушка *(встает)*. Пиши!

Маруся. Не смей меня трогать!

Маркушка. Пиши!

Антоша. Не тронь ее!

Маркушка. Это еще что такое?

Антоша. Ты человек грубый! *(Кидается к Варварке.)* Виноват! Они только запугают! У девочки руки будут трястись, как же она напишет? А лучше вы... лучше словами... Она сейчас послушается. Сейчас.

Варварка. Он прав. Сядь, Маркушка. Маруська... Пиши: «Я...»

Маруся. Да что вы думаете: я сонная, что ли? У меня мозгу нет? Не буду писать!

Маркушка. Будешь!

Маруся *(хватает со стола нож)*. Только тронь! Меня не затравишь! Я тебе не заяц! Не смотри — не страшно.

Варварка. Да?

Маруся. Да!

Варварка. Маруська!

Маруся. Ну чего вы стараетесь? Вы же сами видите — не боюсь и не боюсь. Не боюсь!

Маркушка. Я ее сейчас!

Варварка *(взглядывает на часы)*. Поздно. Придется автомобиль нанимать. Сегодня не боишься — завтра побоишься! Идем! Запри, Антоша. Завтра в три я буду. *(Уходит.)*

Маруся. Что делать, что делать, что делать!

Антоша *(возвращается)*. Ай-ай-ай! Я уж думал — помереть мне сегодня от страсти. Как можно на такую женщину кричать? У меня до сих пор сердце не бьется.

Маруся. Оставь, бабушка.

Антоша. Не оставлю! Ножом машете! А если она нож вырвет — да вас! Ведь я ее знаю! Я ей двадцать лет служу.

Маруся. Бежать надо, бежать!

Антоша. Когда ихний отец, купец Лошилин, лопнул — она не растерялась. Брата и мать содержала. Она по ярмаркам стала ездить. Сто рублей объявляла тому, кто ее в рукопожатии пережмет. А если она пережмет — ей рубль. Ну и всех пережимала. Выжала тысячу. Собрала лилипутов труппу...

Маруся. Выпусти, дедушка!

Антоша. Лилипуты от нее разбежались. Щипала она их. Тогда собрала она детей ученых труппу. Набрала из бедных семей ребят лет по пять — по шесть...

Маруся. Да отпусти же ты меня!

Антоша. Не отпущу! Что я, ума решился? Не отпущу я вас. Если отпущу — убьет меня Варвара Константиновна насмерть завтра. А я на это не могу согласиться. Да если я и отпущу вас, то теперь уж все равно вы не успеете помешать. Убегут они. И с машинкой!

Маруся. А где она, машинка-то?

Антоша. Не скажу!

Маруся. Ух ты! Трус ты старый. Ну что делать? Ну как Мячик на моем месте поступил бы? Осмотрись и борись... Что осматривать? Куда смотреть? Стенки да окна... *(Выглядывает в коридор.)* Да коридор... Ключ!

Антоша. Матушки! Батюшки! Пропал! Маруся! Маруся! Стой!

Маруся *(из коридора)*. Отстань!..

Антоша. Куда бежишь-то? Где машинка, не знаешь ведь! Марусенька! Машинка-то...

Маруся *(вбегает с ключом в руках)*. Ну, говори, где машинка! Живо!

Антоша. Безжалостная девочка! Очнись, пойми, что делаешь! Ты меня в шестьдесят три года на улицу выкидываешь! Ведь я человек зависимый. Отдай ключ! Умоляю, требую!

Маруся. Говори, где машинка!

Антоша. Ведь я человек добрый. Я, когда ты еще вот таким воробушком была, я тебя на руках носил. Отец твой у нас балаганы уставлял, рабочим у нас был и жонглером... А я билетером... А ты придешь, бывало, в балаган, туп-туп ножонками... Не губи ты меня, девочка! Отдай ты ключ!

Маруся. Где машинка?

Антоша. Черствая девочка! Пойми ты — сколько лет я Варваре Константиновне служу... Куда я теперь? Ведь она меня завтра рассчитает... Ведь я от нее завишу... Да свяжи ты меня хотя бы, коли действительно задумала бежать... И как это меня угораздило, за ними заперевши, ключ не вынуть. Какой я жалкий старик, какая

вы беспощадная девочка!.. Свяжи меня, сделай милость! Пусть она думает, что я боролся!

М а р у с я. Ладно, свяжу... Где машинка, говори!

А н т о ш а. Свяжете?

М а р у с я. Говорю, свяжу!

А н т о ш а. Крепко?

М а р у с я. Да, да, да! Где машинка?

А н т о ш а. У Маркушки дома. Под полом.

М а р у с я. Так близко! И они не знают!

А н т о ш а. Утром была у меня Варвара Константиновна — все объяснила, как будет делать. Маркушка живет в бывшей лавчонке. Оттуда наверх ход был. Как раз в ту комнату, где студенты. Лестница сломалась, а люк остался. Под ковриком.

М а р у с я. Как же так — не знали?

А н т о ш а. Может, и знали, да забыли, а Маркушка дознался. Когда все ушли, влез в комнату через пол, машинку к себе — и спрятал. А вас в город, для подозрения.

М а р у с я. Скорей! Скорей надо рассказать... Что не я... Что они... Где спрятана... Скорей надо!

А н т о ш а. Сочувствую! А только ничего не выйдет! *(Показывает на часы.)* В пять сорок пять у поста номер восемь остановится товарный поезд. Кондуктор... Забыл фамилию! Кондуктор с Варварой Константиновной заодно. Посадит и ее и машинку, и — ту-ту-туу! — уехали. Они оттого так и спешили, что дежурит-то знакомый кондуктор раз в четыре дня. Сегодня опоздать — и пропало дело. Жди!

М а р у с я. Успею!

А н т о ш а. Да как же ты успеешь? Деточка! Сейчас пять часов двадцать минут. Они уже к дому подъезжают, если автомобиль сразу нашли. Через десять минут машинку вынесут, через пятнадцать на станции будут, а через двадцать и уехали. А вам туда сорок минут езды. А их через двадцать минут уже и след простынет!

М а р у с я. А может, заметят, когда выносить будет Маркушка машинку?

А н т о ш а. Как? Маркушка всегда с корзинкой!

М а р у с я. Я в угрозыск позвоню.

А н т о ш а. Пока дозвонитесь — пять минут, пока автомобиль дадут — еще пять, да пока доедут... нет.

М а р у с я. Я побегу туда!

А н т о ш а. И опять уйдет время. Мы на улице Герцена, тридцать четыре.

М а р у с я. Герцена, тридцать четыре?

А н т о ш а. Ну да!

М а р у с я. Герцена, тридцать четыре... Прощай!

А н т о ш а. Стойте! Свяжите меня! Свяжите меня!

М а р у с я. Некогда! Некогда, бабушка! Завтра пораньше я забегу, свяжу, а сейчас — прощай! (*Убегает.*)

А н т о ш а. Завтра! И на том спасибо! Ушла... На что она надеется? Мыслимое ли дело? Вон уже двадцать две минуты шестого. Они уже небось выносят машинку-то. Что тут можно сделать? Телефона туда нет. Телеграмму — пока принесут. Нет! Ничего не сделать. Ничего! Вон уже двадцать минут шестого...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната студентов.

К р о ш к и н. Который час?

М я ч и к. Двадцать минут шестого. Через час и из угрозыска собаку приведут. Ай-ай-ай!

К р о ш к и н. Что ты?

М я ч и к. Не прошу я себе этой глупости. Всех учу: осмотришь, а сам просмотрел! Как я пропустил! Как прозевал!

К р о ш к и н. Ну уж ничего не поделаешь.

М я ч и к. Куда она юркнула? Как мышь!

Вбегают Иринка и Анька.

И р и н к а. Мама к вам идет!

А н ь к а. Вы ее не обижайте!

И р и н к а. Нам ее жалко уже...

А н ь к а. Она больная, наверное. Оттого такая.

И р и н к а. Мы папе письмо послали.

А н ь к а а. Заказное! Пусть вернется.

И р и н к а. Вот она...

Входит Мария Ивановна.

М а р и я И в а н о в н а (*быстро и одностонно*). Здравствуйте. Подозрение я имею на Марусю Круглову, пионерку.

К р о ш к и н. Успокойтесь, Мария Ивановна! Нам не нужно!

М а р и я И в а н о в н а. Она сколько раз говорила: я готова украсть, только бы убежать. Она ленивая, не хотела работать на Варвару Константиновну. Вот. (*Опускается на стул.*) А теперь будьте добренькие! Не спрашивайте у меня больше ничего!

М я ч и к. Я...

М а р и я И в а н о в н а. Молчите! Молчите! Не могу я сказать! Не могу!

К р о ш к и н. Да мы и не хотим...

М а р и я И в а н о в н а. Как же это вы можете не хотеть? На бедную девочку напраслину возводят... Ой... молчу, молчу, молчу!..

М я ч и к. Мария Ивановна! Мы вас ни о чем спрашивать не хотим. Через час здесь будет агент угрозыска...

М а р и я И в а н о в н а. Я в город уеду! Нет, не уеду!.. Чего вы от меня хотите? Чего вы смотрите на меня? Чего вы...

Г о л о с. Алло, алло, говорит Ленинград, говорит Ленинград.

М я ч и к. Выключи!

М а р и я И в а н о в н а. Нет!

Г о л о с. Передача производится из большой студии радиопередачи на волне в тысячу метров.

М а р и я И в а н о в н а. Не надо выключать. Пусть будет, как всегда... как до этого.

Вступление к «Лучинушке».

Г о л о с. Слушайте концерт из русских народных песен. Артистка Лыкова поет «Лучинушку».

М а р и я И в а н о в н а. Сколько раз слышала... И не думала... что я буду слушать «Лучинушку» уголовной преступницей.

Песня. Когда певица доходит до куплета:

Милые родители,
Сватушки, родня,
Лучше бы замучили,
извели меня...
От работы спинушка, и сей...

Пение прерывается.

К р о ш к и н. Что там такое?

М я ч и к. Поправь там!

К р о ш к и н (у приемника). Да тут все благополучно как будто.

Г о л о с. Концерт прерывается на одну минуту. Сообщение крайней важности. Говорите, Николай Николаевич.

В т о р о й г о л о с, п о в ы ш е. То, что сейчас будет передано, почти никто не поймет. Не звоните нам, пожалуйста, по телефону. Объяснения давать не будем. Завтра вы прочтете объяснение в газетах. Говорите.

М а р у с и н г о л о с. Мячик! Крошкин!

Мячик. Что это?

Иринка. Маруська!

Анька. В трубе?!

Марусин голос. Мячик! Крошкин! Снимите посреди комнаты коврик. Там есть люк в Маркушкину комнату! Спрыгните вниз! Машинка спрятана у него. Скорей! Он сию секунду за ней придет! Скорей! Все. Маруся.

Голос. Алло, алло! Говорит Ленинград, говорит Ленинград. Концерт продолжается, концерт продолжается. Артистка Лыкова споет народную песню «Лучинушка».

Мячик. Выключи!

Крошкин. Есть!

Мячик. Закрой ставни!

Крошкин. Зачем?

Мячик. Я хочу его поймать. Чтоб свет не шел в люк. Мария Ивановна, уйдите!

Мария Ивановна. Ни за что! Я своими глазами хочу посмотреть, как его поймают.

Мячик. Подыми ковер! Действительно, люк! Как мы его раньше не заметили!

Крошкин. Незаметно! Пол вроде паркетный. Весь в трещинах...

Мячик. Ну, теперь тише!

Пауза. Мария Ивановна начинает смеяться.

Иринка. Мама, чего ты?

Мария Ивановна. Очень я рада, что все так кончается. Мне даже есть захотелось.

С улицы Маркушка: «Цветы!»

Мячик. Тсс!..

Маркушка (*ближе и ближе*). Трава! Деревья! Кусты! Былинки! Розы! Гиацинты! Капуста! (*Слышно, как он ходит внизу. В люк прошел свет снизу.*) Уфф! Ну, так... Покричали и будет. (*Напевает что-то.*) Здравствуйте, «ундервудик»! Пожалуйста! Сейчас вам в поезд. Ехать. Что это? А? Что это случилось? Ты никак в корзинку не хочешь лезть? А-а! За щепочку зацепился. Ах ты американец! Тебе наши корзинки не по нраву!

Мячик и Крошкин прыгают в люк.

Маркушка. Кто это?

Крошкин. Мы.

Шум.

Иринка. Смотрите, смотрите! Дерутся, дерутся, дерутся! Ой, наступите, наступите на машинку! На машинку наступите!

Анька. Схватили! Ой, мамочка, схватили!

Иринка. Повели! Мамочка! Сюда повели!

Мария Ивановна. Откройте ставни! В темноте все-таки жутко! Вот как оно все обернулось. Ах ты, какие вещи бывают на свете!

Входят Мячик, Маркушка и Крошкин с «ундервудом».

Мячик. Здесь вам придется посидеть. Скоро приедут агенты угрозыска. Положи машинку!

Крошкин. Да я уж прямо боюсь ее из рук выпустить.

Маркушка. Господа студенты! По нужде. По нужде и из-за голода. Отпустите... К чему я вам? Машинка нашлась. Что же вы мне мстить, что ли, хотите?

Мария Ивановна. Нет, нет, нет! Ни за что! Ишь ты, какой легкий голос у него стал! А как на меня зубами блестел, так голос был бас? Ишь ты... Выпусти! Еще сестру бы твою поймать...

Мячик. Какую сестру?

Мария Ивановна. Варварка — сестра его родная. Вы и не знали? А я на свою голову узнала. Видите, какой тихий, белый, а вчера аж черный со злости ходил, когда я их разговор подслушала. А! Держите!

Маркушка прыгает в люк.

Мячик. Стой! *(Кидается к окну.)* А! Не удалось! Попался Маркушка. Автомобиль угрозыска. И Варварку привезли. И Марусю.

Анька. Маруся!

Иринка. Беги сюда бегом!

Мария Ивановна. Ой, как есть хочется! Все больше и больше. Что значит все благополучно!

Вбегает Маруся. На носу у нее ссадина.

Анька. Ай! Что это у тебя с носом?

Маруся. Спешила я! Миленькие! Как я боялась, что у вас не включено радио. *(К машинке.)* Вот она какая. Миленькая!

Мячик. Маруся! Спасибо. Век тебя не забуду.

Иринка. Маруся, как ты догадалась?

А нь к а. Маруся, я побоялась бы на радио-то!

М а р у с я. Ай, что было! Я же узнала все про машинку на улице Герцена, тридцать четыре, а радиопередача напротив. А я зимой с отрядом туда в экскурсию ходила.

А нь к а. И ты скорей туда?

М а р у с я. Кубарем! С лестницы упала, нос ушибла. Не кри-
вой?

А нь к а. Нет, только толстенький.

М а р у с я. Бегу, а из носа кровь. Адворник как схватит меня!

И р и н к а. Ай!

М а р у с я. «Стой, — кричит, — может, ты кого убила! Откуда кровь?» А я говорю: «Пусти, дурак! Видишь — кровь из носу! Что я, носом, что ли, убивала?» Он отпустил. Засмеялся... Бегу через до-
рогу. Собака за мной увязалась. Охотничья, что ли. Хвост вени-
ком. Хотела укусить меня, да я на нее крикнула.

А нь к а. Рыжая была собака?

И р и н к а. Не мешай ей!

М а р у с я. Прибежала в радио — чудо-чудищем, на морде кровь,
а говорю хорошо. Очень понятно. Все сбежались, все слушают.

И р и н к а. И сразу позволили тебе говорить?

М а р у с я. Не сразу. Немножко побоялись. Я уже реветь на-
чала, смотрю — из комнаты какой-то секретарша идет, голу-
бушка.

А нь к а. Какая голубушка?

М а р у с я. Секретарша Губпионеркабинета. Ну, она меня, ко-
нечно, узнала. Я на нее зимой в стенгазете карикатуру нарисовала,
очень ей понравилось. Узнала она меня и заступилась. Хорошие
там люди — Николай Николаевич, Александр Васильевич... Пре-
рвали концерт, пустили меня, а я говорю в микрофон — и не верю:
неужто меня в Лесном слышно?

М а р и я И в а н о в н а. Слышно было, слышно.

М а р у с я. Кончила говорить, все меня хвалят, повели, умыли,
чаю хотели дать — и вдруг р-р-р... — автомобиль. Угрозыск. Из ра-
дио вызвали! Сели мы — и что тут началось! Как мы полетели! До-
мов по бокам не видать! Одно серое! Голову назад сносит, платок с
меня сорвало, а на одном повороте я чуть-чуть удержалась.левой
ногой за диванчик уцепилась.

А нь к а. Каблуком?

И р и н к а. Заткнись!

М а р у с я. Подъезжаем к дому, вдруг за углом — а-а! Знакомое
лицо! Мачеха Маркушку ждет. Бегаёт она плохо. Зацапали ее.

А нь к а. А она?

Маруся. А она ущипнула начальника угрозыска и замолчала. Видит — ее дело плохо. Подъехали сюда — Маркушка выбегает. И его взяли. Сейчас у них обыскивают внизу. Ну вот и все.

Мария Ивановна. Ты, Маруся, прости меня.

Маруся. Да разве ж вы виноваты? Да за что же?

Мария Ивановна. За страх.

Анька (*Крошкину*). Ты что в зеркало смотришься?

Крошкин. Изучаю радостное лицо. Пригодится. Эх, Маруся! (*Пляшет.*) Качать ее!

Маруся. Нет, братцы, нет — меня уже автомобиль укачал! А в отряде-то, в отряде! Из них никто по радио не говорил. Мальчишкам нос какой!..

Занавес

1929

КЛАД

Пьеса в 3-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Грозный Иван Иванович — сторож в заповеднике.

Суворов — студент-геолог.

Мурзиков

Орлов

Птаха

Дорошенко — председательница колхоза.

Али-бек богатырь — пастух.

} школьники, юные разведчики народного хозяйства.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Пропасть. На одной стороне пропасти — густые кусты. На другой — деревья. Среди деревьев идет Иван Иванович Грозный.

Грозный (*останавливается. Разглядывает деревья у края пропасти*). Ну здравствуй. Ну что... Стоишь? Это вижу. Ветками шелестишь? Это слышу. Две недели у тебя не был — какие мне можешь новости рассказать?.. Так. Новости есть, но все известные. Понятно... чесался об тебя медведь. Который? А, вижу... И когти он тут почистил. Это Вислоух... Это я знал, что он будет в наших местах не нынче завтра. Дальше?.. Ничего не скажешь, что дальше-то? Ничего... Ну тогда посидим, покурим. (*Садится, заглядывает в пропасть.*) Здорово, Старое Русло, здравствуй. Давно я на дне не бывал, полгода. Новости у тебя какие? Неизвестно, не видать дна. Ручей шумит — это я слышу, туман ползет — это я вижу, а кто там ходил, кто бегал — не узнать. Глубоко. Вот... Пятьдесят лет я в лесу. Все мне понятно. Куда птица летит, куда зверь бежит, куда змея ползет. А разговора птичьего, звериного не понимаю. Это обидно, пятьдесят лет в лесу, однако не понимаю. Вон — кричит птица на той стороне, а что она кричит?.. Хочет она спросить меня? Или рассказать что хочет? Ничего не понятно. Ишь ты, старается. Может, молодая какая, летает худо, от своих отбилась. Может, глядит на меня, тоскует, кричит по-своему: дед, где дорога?

Г о л о с. Дед, где дорога?

Грозный. Это еще чего? Кто спрашивает?

Г о л о с. Это я. Птаха.

Грозный (*откашливается*). Гм... Кха... Спокойно, Иван Иванович. Чего не бывает, того не бывает, а что бывает, то и есть. Что за птаха?.. Отвечай спокойно.

Г о л о с. Я от своих отбилась, не знаю, как дорогу найти.

Грозный. Гм... Видите как... Спокойно, Иван Иванович Грозный... Чего не бывает, того...

Голос. Как мне к тебе пройти?

Грозный. Зачем?

Голос. Как это зачем? Я же тебе говорю — от своих отбилась. Третий день ничего не ем, кроме ягод.

Грозный. Ягод?

Голос. Ну да. Есть хочется. Во сне даже сегодня два раза видела, что молоко с хлебом ем. Очень есть хочется, молока.

Грозный. Молока?

Голос. Ну да.

Грозный. Птичьего?

Голос. Да что ты, дед, путаешь?

Грозный. Путаю?

Голос. Ну да, путаешь. Я с голода пропадаю, а он путает.

Грозный. В остатный раз тебе говорю: ты кто?

Голос. Птаха.

Грозный. Птаха? (*Топает ногами.*) Покажись тогда. Вылазь на свет, если ты птаха. Я еще, брат, не путаю, я еще кремь-старик. Я тебя враз из карабина уложу, коли не покажешься. Ну, вылазь. Стреляю!

Птаха (*плачушим голосом*). И так ноги исколоты, а он — покажись... Тут кусты.

Грозный. А ты подлети.

Птаха. Подпрыгнуть, что ли?

Грозный. Ну, хоть подпрыгни...

Птаха (*подпрыгивает под кустами*). Вот она я.

Грозный. Девочка...

Птаха (*подпрыгивает*). Да, да — девочка...

Грозный. А говоришь — птаха.

Птаха (*подпрыгивает*). Фамилия моя Птаха.

Грозный. Откуда ты взялась такая?

Птаха. Дед, можно мне не прыгать, у меня все ноги исколоты?

Грозный. Ну да, не прыгай. Кто же тебе велит!

Птаха. Стрелять не будешь?

Грозный. Ну вот, ну что ты... Зачем?

Птаха. Из карабина?

Грозный. Ну-ну-ну, чего в тебя стрелять?.. Что ты за зверь такой?

Птаха. Ну да, нет... Я вот она... Я лучше... (*Пробирается сквозь кусты.*) Я лучше продерусь. Видишь — вот она я...

Грозный. Стой!..

П т а х а. Ой, пропасть какая. Ведь это же настоящая бездна.

Г р о з н ы й. Это Старое Русло. Кто же ты такая, что Старого Русла не знаешь? Откуда?

П т а х а. Мы, дед, из города. *(Садится.)* Вот глубина какая, даже все внизу синее. У меня даже все закачалось в глазах... Или это от голода? Дед, у тебя еда есть?

Г р о з н ы й. Это можно... Я сейчас тебе переброшу. Это мигом.

П т а х а. Ой, дед, нет, это не надо. Не бросай.

Г р о з н ы й. Это почему же не надо?.. Брошу.

П т а х а. Ой, пожалуйста, нет. Прошу. Дедушка...

Г р о з н ы й. Не сердя меня, Птаха. Опять начинаешь что-то такое... Почему не бросать?..

П т а х а. Так ведь мне есть хочется. Не бросай...

Г р о з н ы й. Что она такое говорит?.. Почему же не бросать? Спокойно отвечай.

П т а х а. А ты бросишь и не добросишь, и еда вдруг полетит прямо в пропасть.

Г р о з н ы й. Как же это: я — и вдруг не доброшу? Я, друг ты мой, кремень-старик, казак. *(Снимает сумку.)* Лови скорей. *(Бросает.)*

П т а х а. Поймала. Ай да дед. Прямо богатырь Али-бек. *(Открывая сумку.)* Вот хорошо. Пахнет как хорошо... Это чего пахнет-то? Ветчина пахнет...

Г р о з н ы й. Солонина.

П т а х а. Все равно. Я съем.

Г р о з н ы й. Клюй, клюй.

П т а х а *(с набитым ртом)*. Мн-е... и... с...

Г р о з н ы й. Непонятно говоришь.

П т а х а. Мне есть очень приятно, говорю.

Г р о з н ы й. Клюй, клюй.

П т а х а. Дед, ты кто? Как тебя зовут?

Г р о з н ы й. Грозный, Иван Иванович.

П т а х а. А что делаешь тут?

Г р о з н ы й. Служу.

П т а х а. Где?

Г р о з н ы й. В лесу...

П т а х а. Кем?

Г р о з н ы й. Зверей берегу.

П т а х а. Как бережешь?

Г р о з н ы й. Очень просто. Здесь, Птаха, заповедник. Зверя бить нельзя. Я обхожу, смотрю. А ты кто?

П т а х а. А я, дед, разведчик.

Грозный. Какой?

Птаха. Разведчик народного хозяйства. Мне до всего дело, что на земле, что под землей. Ох ты... чуть не подавилась.

Грозный. Кто же тебя сюда пустил разведывать?

Птаха. А никто. Я сама заблудилась.

Грозный. А как?.. Ну?.. С начала говори...

Птаха. А приехало нас из города четверо. Я, Лешка Орлов, Петька Мурзииков и Шура Суворов. Самый старший. Вузовец. Геолог.

Грозный. Кто?

Птаха. Ну, геолог. Которые ищут, что в земле лежит. Приехал он на практику. Пошел в горы на разведку, ребят в помощь взял, а я сама привязалась.

Грозный. Сама?

Птаха. Ну да, сама. Вперед забежала, и, здравствуйте, вот она я. Меня, дед, не прогонишь, я настойчивая.

Грозный. Так вместе и ходили?

Птаха. Две недели вместе ходили. А потом я в тумане, как дура, отстала.

Грозный. Как же это? В тумане за руки надо было идти.

Птаха. Мы и шли за руки. А только я волновалась. А я когда волнуюсь, у меня ноги чешутся. Терпела-терпела и остановилась на минутку почесаться.

Грозный. И руку бросила?

Птаха. На минутку. Потом кричу — вы где?.. А они справа — мы тут. Вправо бегу, а они слева — ау. Я назад, а они сбоку — здесь мы. Да все тише и тише и с разных сторон — и пропали. Очень я тогда расстроилась. Подул ветер, туман прогнал, а я туда-сюда бегала, а их нет. Что ты скажешь?

Грозный. Это, Птаха, в горном тумане всегда так бывает. В тумане на миг нельзя отстать, получается такое туманное эхо, что никак не разобрать, откуда тебе голос подают...

Звук, похожий на барабан.

Птаха. Ой, это наши идут. Нет, не наши: у них барабана нету.

Грозный. Спокойно.

Птаха. Что это там, дед? А?

Грозный. Слышишь ты, Птаха! Спокойна ты будь. Что бы ни увидела — не пугайся.

Птаха. А ты меня не пугай.

Грозный. Я не пугаю. Я говорю, напротив, спокойна будь. Выгляни из кустов — что видишь?

П т а х а. Ничего страшного, дед. Там человек.

Г р о з н ы й. Какой?

П т а х а. В шубе почему-то... Мехом наружу почему-то... Сейчас... У меня ноги чешутся.

Г р о з н ы й. Спокойно! А что он делает — тот человек?

П т а х а. Он у дерева стоит. Дергает там чего-то и гремит. Щепка большая от дерева отстала, он дергает, а она об ствол гремит.

Г р о з н ы й. С дуплом дерево.

П т а х а. Ой, дед! Человек на четвереньки стал. Ой, дед! Этот человек — медведь.

Г р о з н ы й. Спокойно!

П т а х а. Тебе-то там спокойно, а у меня тут медведь. Дед, он стал на дыбы, сюда заглядывает.

Г р о з н ы й. Спокойно. Он далеко. Ему к тебе напрямик не пройти.

П т а х а. Он лег, дед. На солнышке.

Г р о з н ы й. Ну и пусть лежит.

П т а х а. Да, пусть... Тебе хорошо... Ой, он кувыркается.

Г р о з н ы й. Сытый медведь... играет.

П т а х а. Да что ты мне все объясняешь. Ты сюда иди. Помоги.

Г р о з н ы й. Спокойно, Птаха, не пугайся, я тебе сейчас что-то скажу.

П т а х а. Ой... Ну говори.

Г р о з н ы й. Нельзя мне к тебе прийти.

П т а х а. Почему?

Г р о з н ы й. От меня до тебя — две недели пути.

П т а х а. Как две недели?

Г р о з н ы й. Да, брат Птаха, — вот он Кавказ, вот они горы... Выходит, что ты со мной — и одна. Только говорить мы с тобой и можем. Хорошо на узком месте встретились. А то и разговору не вышло бы. Только руками и помахали бы. Две недели до тебя пути!

П т а х а. Да ведь... от меня тут за две недели ничего не останется... Безобразие какое. Почему две недели?

Г р о з н ы й. Взгляни вниз... Стены. Не подняться, не спуститься. Давно-давно тут Черная речка текла, потом обвал завалил русло, она в сторону взяла. Слышь — ручеек один остался на дне. Видишь, как далеко... как тут пройти...

П т а х а. А если в обход?

Г р о з н ы й. В обход?.. А в обход и будет две недели. Влево пойдешь — там скалы — Гозыри называются. Совсем проходу нет. Вправо пойдешь — Чертов Зуб. Обойдешь его, ступай мимо Черкесской Свадьбы, через Аибгинский перевал на Курдюковы луга.

Тут только и будет переход. Это девять дней да дней пять по твоей стороне. Вот тебе и две недели.

П т а х а. Что ты так спокойно разговариваешь? Медведи тут.

Г р о з н ы й. А из беспокойства, друг ты мой, никогда толку не будет. Одну я тебя не оставлю. Это раз. А у меня карабин... Медведю до тебя тоже часов пять ходу. Это два. Есть время подумать. Спокойно! Будь ты настоящая птаха — перелетела бы, и все. А ты Птаха только по фамилии.

П т а х а. Говори, что делать.

Г р о з н ы й. Думать.

П т а х а. Да чего тут думать, я не знаю. Перелететь нельзя. Мост сделать нельзя.

Г р о з н ы й. Молчи. Посиди тут одна, я вернусь сейчас.

П т а х а. Куда?

Г р о з н ы й. Спокойно. Сиди. Некогда объяснять. Вернусь, все поймешь. Сиди.

П т а х а. Дед, а сумка?

Г р о з н ы й. Молчи. Жди. *(Уходит.)*

П т а х а. Ушел. А все, как нарочно, шумит. Деревья загудели. Чего это топочет за оврагом... Спокойно, Птаха. Спокойно! Кто в траве шелестит... Птаха дура. Что ты, маленькая, что ли? Зачем в горы шла? Освоить горы... Что в земле, что под землей — до всего тебе дело есть. Может, станет на этом месте завод. Может, здесь железо есть... *(Прислушивается, кричит.)* Здесь я. Что?.. Кто меня позвал? Никто не звал. Просто чего-то замыкало. Скалы высокие, воздух между ними гулкой, только и всего. Интересно это! Это интересно! А кто пугается, с того толку никакого никогда не выйдет. Где записная книжка? Сейчас все запишу. *(Кричит.)* Дед! Куда ты пропал?.. Кусты трещат, идет кто-то! Де-ед!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Груды огромных камней. Положив ноги на камни, лежат Суворов, Орлов, Мурзиков. На костре чайник. На салфетке сало, хлеб, кружки.

Суворов. Да-с. Был такой богатырь Али-бек. Ну что же. Так, значит, и запишем... Третий день поисков Птахи ни к чему не привел... И чтобы на сегодня об этом больше ни слова. Думать можно — болтать не смей. Вот. Да... Был такой богатырь Али-бек.

Мурзиков. Кабы она не дура была, я бы не беспокоился. Дура она, жалко мне ее.

Орлов. Об этом на сегодня больше ни слова. Сказано тебе. *(Утирается платком.)* Ох... я, Шура, глотну воды.

Суворов. Зачем опустил ноги?

Орлов. Я, Шура, глотну воды. *(Тянет кусочек сала.)*

Суворов. Пока не закипит — ни одного глотка. Положи сало.

Орлов. Я кусочек.

Суворов. Положи.

Орлов *(вытирается платком)*. Очень устал потому что...

Мурзиков. Вот дура! Сидит небось где-нибудь в пропасти. Голодает да чешется.

Орлов. Шура, скажи ему, чтобы он больше про нее не говорил. Сказано, кажется, было.

Суворов. Довольно, ребята. Молчите, ждите, думайте, отдыхайте... Да-с, был такой богатырь Али-бек...

Мурзиков. Шура!

Суворов. Чего тебе?

Мурзиков. Скажи мне, пожалуйста, что ты всегда это говоришь?.. К чему?.. Был такой богатырь Али-бек. Какой?

Суворов. Да-с. Был такой богатырь Али-бек.

Мурзиков. Черкеса вчера встретили — ты у него спрашиваешь: не слыхал ли он об Али-беке. О Птахе, а потом об Али-беке.

Орлов. Шура... Кажется, кипит.

Суворов. Нет.

Мурзиков. Колхозник едет — ты у него: что за Али-бек?

Суворов. Придет время — узнаешь.

Мурзиков. А зачем тебе нужен богатырь Али-бек?

Суворов. Мне он ни к чему.

Мурзиков. А зачем спрашиваешь?

Суворов. Он-то мне ни к чему. Мне клад его нужен...

Орлов. Клад?

Суворов. Факт. Кипит чайник. Разливай.

Орлов. Какой клад?

Суворов. Нападу на след — узнаешь.

Орлов. Где ты узнал про него?

Суворов. Про кого?

Орлов. Про клад, про Али-бека?

Суворов. В Ленинграде, на Васильевском острове.

Мурзиков. А ищешь его здесь?

Суворов. А ищу здесь, на Кавказе.

Орлов. Почему?

Суворов. Потому что он здесь жил, Али-бек.

Орлов. Когда?

Суворов. Лет двести назад.

Мурзиков. Что же у него за клад? Деньги?

Суворов. Нет.

Орлов. Бриллианты?

Суворов. Нет.

Орлов. А что?

Суворов. Самоварное золото.

Мурзиков. Да ты не шути, Шура. Говори толком...

Суворов. Я не шучу. Пейте чай. Ешьте.

Мурзиков. Птаха, дура такая...

Орлов. Шура, ну чего он все ноет? Опять про нее...

Мурзиков. Я не про нее, а про ее кружку. Две недели таскала кружку на поясе. А как потеряться — сунула мне кружку в мешок. Она, говорит, о пояс брякает. Надоедает. А теперь небось трескает воду из своих дурацких ладошек. Гадина. А кружка ее здесь. Вон нацарапала на кружке: «Птаха». Криво-косо. Тьфу.

Орлов. Шура, скажи ему.

Суворов. Ладно.

Орлов. Ты о чем все думаешь?

Суворов. Жил такой богатырь Али-бек...

Орлов. Все об одном?

Суворов. Ладно, пожалуйста.

Входит Дорошенко.

Дорошенко. А-а! Это городские.

Ребята вскакивают.

Мурзиков. Откуда ты вынырнула?

Дорошенко. По тропке подошла.

Орлов. А почему же мы не слышали?

Дорошенко. А потому, что я не хотела.

Орлов. Как же так?

Дорошенко. Очень просто. С детства отец меня на охоту брал — сыновей не было, так он дочку. Приучилась ходить так, что зверь не услышит, не то что городской человек.

Орлов. А ты кто?

Дорошенко (*спокойно, с достоинством протягивает руку Суворову, потом ребятам*). Я? Анна Дорошенко. А вы чьи?

Суворов. Свои собственные.

Дорошенко. Фамилии вам?

Суворов. Я — Суворов. А это — Мурзиков. А это — Орлов.

Дорошенко. Прогуливаете себя? Или комиссия?

Суворов. Да скорее, гражданка Дорошенко, комиссия.

Дорошенко. Чего проверяете?

Суворов. Горы.

Дорошенко. Все ли на месте, не унесли кто?

Суворов. Вот-вот.

Дорошенко. А теперь, товарищ Суворов, пошутили — и лясы убрали. Я бывшей станицы Верхней, теперь колхоза, — я там председатель. По делу пришли — помогу, в чем моя возможность. Так идете — идите, не вредите. Вот мои документы.

Суворов. Мы верим. Мне в городе, в исполкоме, о вас говорил Сергей Яценко.

Дорошенко. Знаю. Человек твердый.

Суворов. И он о вас так говорил. Письмо к вам имеется от него. Мурзиков, дай-ка мешок. *(Роется в мешке.)* Вот оно... Товарищу Дорошенко.

Дорошенко. Так, хорошо встретились. *(Садится к костру. Расстегивает кобуру револьвера, который висит у нее на поясе. Достает очки.)*

Орлов *(тихо)*. Смотри — очки с револьвером носит.

Дорошенко. А я, малец, вижу не дюже хорошо. Слышу хорошо, а вижу не дюже. Как из револьвера стрелять — сейчас очки надеваю. Потому и ношу вместе. *(Читает.)* Так-так, понятно. Теперь понятно, кто вы. Чем могу — готова помочь.

Суворов. Чаю?

Дорошенко. Спасибо вам... Ну что, вы много нашли, насобирали?

Суворов. И нашли — и потеряли тоже.

Дорошенко. Кого?.. Чего?..

Суворов. Спутница наша в тумане отстала.

Дорошенко. Худо. Большая?

Суворов. Двенадцать лет.

Дорошенко. Городская?

Суворов. Городская.

Дорошенко. Худо. Вернусь — весь колхоз на поиски подниму. Только отсюда до колхоза восемь дней ходу. Ах, это нехорошо. Как мне ее жалко. Небрежность! Разгильдяйство это! Мужик и есть мужик. Разве с ним дите отпустить можно? Шагает, верблюд, а девчонка в тумане, как в угаре, туда-сюда тычется. Халатность это ваша... Эх!.. Искали?

Суворов. Три дня ищем.

Дорошенко. Ох, плохо. А мать небось дома спит и сны не видит. Верблюды.

Мурзиков. А ты, тетка, не гавкай. Мы сами себя днем и ночью, наверное, может быть, кроем. Ты совет дай, а гавкать — это легко.

Орлов *(вытирает лоб платком)*. Мы из сил выбились... Вот что.

Дорошенко *(улыбается)*. Что-то по тебе не видно, чтобы ты из сил выбился. Ишь какой гладкий.

Орлов. Это у меня кость такая широкая. А сам я не толстый.

Дорошенко. Так-так. Вы меня, парни, простите, я по-прямому говорю — ведь правда, худо вышло. Теперь, конечно, надо думать, как эту ошибку наоборот выправить. Ругаться поздно.

Суворов. Конечно.

Дорошенко. Будем искать. Плохо, что до колхоза восемь дней ходу.

Суворов. А как это вы так далеко от колхоза ушли?

Дорошенко. У меня там все дела налажены, а я вроде в отпуску. Только не отдыхаю. Ищу. И у меня свои потери, борюсь с ними. Дела заместителю сдала, а сама, как скаженная, через горы, через балки, через камни, хуже дикой кошки или бешеной волчицы. Ищу. Потом скажу, чего ищу. Потеря моя большая, но как-то это некстати после человека об овцах говорить. А сама, выходит, и сказала. Да. Всякому свое. Пять овец, племенных, заграничных, на золото купленных, из колхоза пропали. Это он.

Суворов. Кто он?

Дорошенко. Не хочу сейчас говорить. Расстроюсь. Ну вставай. Попили чаю.

Суворов. Да, да. Так, так. Жил такой богатырь Али-бек.

Дорошенко. Не так говоришь: атаман Алибеков, а не богатырь.

Суворов. Что?

Дорошенко. Атаман.

Суворов. Ты слыхала?

Дорошенко. Что?

Суворов. Про Али-бека.

Дорошенко. Слыхала. Только он не Али-бек, а Алибеков.

Суворов. Это все равно. Слыхала?

Дорошенко. Как не слышать. У нас в станичном правлении бывшем, теперь в нашей конторе, до сих пор его кувшин стоит. Старинный.

Суворов. Кувшин его?

Дорошенко. Говорят — его.

Орлов. Золотой?

Дорошенко. Самоварного золота.

Мурзиков. Медный?

Дорошенко. Я ж говорю, медный. Да чего вы всполошились?

Суворов (*мечется*). Говори, прошу тебя. Говори все, что знаешь. Стой, Суворов, успокойся. Не лазь за револьвером, тетка, я сейчас в себя приду.

Дорошенко. Я за очками. Посмотреть, что ты.

Суворов. Потом все поймешь. А сейчас говори все, что знаешь. Это огромное дело, тетка. Всесоюзное.

Дорошенко. Ага... Так... Ну попробую тебе доложить все, что знаю. Знаю-то немного... Одну песню.

Суворов. Спой.

Дорошенко. Пела, пока молода была, не председательствовала. А теперь мне тридцать два года. Я так скажу. Идет?

Суворов. Как хочешь.

Дорошенко. Договорились... Ну, тогда слушай, коли не шутишь...

Атаман Алибеков — молодой молодец.

Он в плечах широк, а в поясе с вершок,

Он в гору идет, как пляшет,

Он под гору идет, как хочет.

Славный казак Алибеков-атаман

Черкесов, казаков на бой вызывал:

«Сделали мне дети одежду,

Крепку одежду, хорошу.

В сердце бей али бей по плечам,

Бей, дозволяет Алибеков-атаман».

Первый ударил — кинжал потерял,

Турецкий кинжал пополам поломал.

Второй ударил — шашку сгубил.

Шашка об одежду тупится.

Пика гнется, раскалывается.

Пуля зазвенит — назад летит.

Ай, Алибеков, Алибеков-атаман!

Казаков, черкесов он похваливает,

Каждого подходит одаривает:

«Вот тебе блюдо за турецкий кинжал.

Вот тебе кувшин за шашку твою,

Вот тебе щит за пику твою,

Вот тебе чарку за пулю твою!

Ударь ты по чарке — гул пойдет,

Звенит она, гудит, разговаривает».

Новые подарки как солнце горят.
А сам, атаман, бел-невесел сидишь?
Чем недоволен, Алибеков-атаман?
«Тем недоволен, что ходил по горе,
Ходил по горе, по глубокой норе,
Добывал я подарки, выковывал,
Сам себе могилу выкапывал.
Подарки звенят, а я приутих...
Катится блюдо, а я прилег.
Щит, он от холода защитник худой.
Чарка звенит, хоронить меня велит.
Буду прощаться, в гору собираться,
Чтобы, где я жил, там и кости сложил».

Все!

Суворов. Так я и знал. Я был прав. Али-бек богатырь, он же Алибеков-атаман, жил в этих местах. Его убила вредная работа на медных рудниках. Тетка! Товарищ Дорошенко, тут есть в окрестностях медные рудники... Откуда у вас эта песня?

Дорошенко. Слепец пел.

Суворов. Он ее у кабардинцев взял?

Дорошенко. Все возможно. Он у нас по всем аулам ездил.

Суворов. Тетка, ты пойми. Вот тебе подарок, ему подарок, всем, всей стране. Есть в Ленинграде Геолком — Геологический комитет. Я — здесь, другие — на Урале, третьи в пустынях жарятся, четвертые в тундре мерзнут — все мы одно дело делаем: стране нужны железо, медь, уголь, нефть, апатиты, фосфориты, золото, ртуть...

Дорошенко. Это, парень, мне все известно. Ты об Али-беке...

Суворов. Постой! Страна растет. А я разведчик жадный. Слышала, нашли ребята богатейшую железную руду? Стрелка компаса над залежами плясала, портилась. Ребята заметили, сделали вывод — и пожалуйста наверх, руда!

Дорошенко. Слышала.

Суворов. Запомни. А я как раз изучал историю медного дела в России. И запало мне в голову: откуда так много старинной медной посуды было на Кавказе? Там не слишком богатые медные рудники и теперь, а раньше, когда медь вручную плавил...

Дорошенко. Так...

Суворов. Откуда? Должны быть брошенные рудники. Метался туда-сюда, того расспрошу, там пятьдесят страниц прочту из-за одной строчки. Кружу около — и натолкнулся на старинные кавказские песни разных народностей. И перевели мне пять песен товарищи-вузовцы из Института восточных языков. Компас пом-

нишь? Стрелка указала на железо, а песня указала на забытые медные рудники, и что они примерно в этих местах, и что брошены на полном ходу во время старинной какой-то войны. Вот твоя песня — одна из этих пяти, только переделана на казачий лад.

Дорошенко. Ага, понятно.

Суворов. Три года я каждое лето приезжал сюда. Сговорился с Геолкомом. Геолком сказал — ищи. Найдешь — наметь дорогу. Разом двинем по твоей наметке большую экспедицию, с инженерами, учеными, экспертами. Три года кружил я, нашлись теперь следы: кувшин у вас в конторе, песня...

Дорошенко. Так. Я очень рада. Ты, может, сам не знаешь, как рада. Дикость кругом, горы... Ты путь наметишь — значит, недалеко завод вырастет, железная дорога скорей пройдет, новая, электрическая, по плану намеченная. Ты, может, не знаешь, а я знаю — это по врагу страшный удар.

Суворов. Знаю. Все связано.

Дорошенко. Такой мой план. Слушайте, мужики. Веду я вас через аулы, через коши — пастушеские шалаши. И всюду мы опрашиваем о наших потерях и о нашем деле.

Мурзиков. И про Птаху будем спрашивать?

Дорошенко. Ее Птаха фамилия? Про нее первым делом.

Мурзиков. А что, опасно?

Дорошенко. Опасно. У нас ведь заповедник. Зверя — видимо-невидимо. И человек не всякий хорош...

Орлов. Что? Бандиты?

Дорошенко. О бандитах давно не слышно. Но есть типы похуже бандитов... Счастье еще, что старик Иван Иванович Грозный по ту сторону Старого Русла ходит.

Орлов. А на что ему Птаха?

Дорошенко. Худой человек. Всякому зверю — первый друг. С деревьями разговаривает. Слыхали люди: стоит он у самой чащи, а оттуда тур башку выставил. Башка бородатая, ножки тонкие, рога в землю упер, слушает. Грозный говорит, а он башкой кивает — дескать, понимаю, договорились.

Мурзиков. Да ты, председательша, кажется, того...

Орлов. Меня толстым ругала, а сама суеверная...

Дорошенко. Я — суеверная? У меня, браток, за две декады до срока план по уборке выполнен. А горы — это, брат, горы! Идем. Только помяните мое слово: если попадет ваша Птаха к Ивану Ивановичу Грозному в лапы — плохо ее дело, попало ее дело.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Декорация первой картины.

П т а х а (*кричит*). Де-ед! Где же ты? Де-ед! Идет кто-то. Ну, что мне делать? Мертвой притвориться? Говорят, медведи мертвых не едят... Или крикнуть? Говорят, медведи крику боятся. Главное, не струсь, не струсь... Чего трустить? Позор! Медведь — подумаешь! Млекопитающее — и больше ничего! Вроде коровы. Идет. (*Кричит в кусты.*) Пошел вон! Брысь! Вон! Вон! Вон!

Из кустов выходит человек.

Человек. Постой. Зачем сердиться?

П т а х а. Я думала, ты медведь...

Человек. Я не медведь, я молодой человек. Здравствуй.

П т а х а. Здравствуй.

Человек. Ты что делаешь здесь?

П т а х а. Блуждаю. От своих отбилась. А ты?

Человек. Хожу. Как тебя зовут?

П т а х а. Птаха. А тебя?

Человек. Али-бек — богатырь.

П т а х а. Почему?

Человек. Я сильный очень. Что за сумка у тебя?

П т а х а. Деда сумка, Ивана Ивановича.

Али-бек. Какого Ивана Ивановича?

П т а х а. Грозного.

Али-бек. Я грамотный, хорошо по-русски говорю, зимой учиться поеду... Зачем обманываешь меня?

П т а х а. Я не обманываю.

Али-бек. Обманываешь... Грозный по той стороне ходит. Мы знаем... Он там, а сумка здесь?

П т а х а. Ну да. Я есть хотела — он бросил. Он добрый.

Али-бек. Он добрый? Земля белая... Небо черное... Листья синие... Что говоришь? Ты не здешняя, не знаешь... Он...

П т а х а. Да вот он идет.

Али-бек. Уйдем.

П т а х а. Куда уходить? Что за глупость!

Али-бек. Я его не люблю...

Грозный (*подходит к краю пропасти*). Это ты с кем же, Птаха?

П т а х а. Чего спрятался, Али-бек?

Грозный. А-а! Да это Али-бек богатырь.

Али-бек. Зачем топор в руках? Говори...

Грозный. Ты что сердитый такой сегодня?

Али-бек. Умней стал.

Грозный. Умней стал — радоваться надо, а ты сердишься.
(Начинает рубить дерево, растущее у края пропасти.)

Али-бек. Что делаешь?

Грозный. Дерево рублю.

Али-бек. Зачем?

Грозный. Увидишь.

Али-бек. Я тебя не люблю.

Грозный. Не любишь? Эх-хе-хе... Да-а. Встревоженный народ в горах живет, Птаха. Сегодня ничего, завтра сердит. Ну говори, чего меня не любишь? Что за темный разговор по горам пошел?

Али-бек. Я не темный, я грамотный. Я книжки читал. Я молодой человек, ты — старый.

Грозный. Ну, так что?

Али-бек. Старый казак обижал горцев...

Грозный. Ну... ты думаешь, это я обижал?

Али-бек. Идешь лесом — яблоня растет. Садовая яблоня. Яблочки с кулак, белые... в лесу... Откуда?

Грозный. Известно откуда.

Али-бек. Не руби, слушай.

Грозный. Я и так слушаю.

Али-бек. Откуда в лесу яблоня, знаешь? Сто лет назад через горы до самого Черного моря сады шли. Сто тысяч миллионов яблонь, вишен, черешен... Что осталось? Десять яблонь, две черешни... Дорога шла, мосты шли — где они?

Грозный. Могу тебе спокойно ответить: сады лесами поросли, мосты погнили, дороги обвалами позавалило.

Али-бек. Почему?

Грозный. Сам знаешь... Царь Николай Первый Кавказ покорил, все разорил. Которые горцы дальше в горы убежали, которые в Турцию подались, все бросили. Лет шестьдесят только лес тут рос да зверь бродил.

Али-бек. Живая была земля. Ты ее дикой сделал, зверю отдал.

Грозный. Не я, а в старые времена это было.

Али-бек. Я думал, все старые казаки и русские — враги, давно они убиты, убежали, поумирали. Я думал, все новые казаки и русские — друзья.

Грозный. Правильно.

Али-бек. Товарищи.

Грозный. Спокойно, спокойно.

Али-бек. По-русски занимался, старался... Говорю, как русский. Книги читаю. Учиться зимой поеду.

Грозный. Ну, так за что ты на нас сердишься?

Али-бек. Ни на кого, только на тебя я сердит. Все мы из мертвой земли опять живую делаем, а ты нет. Ты вредный старик, старый казак, заговорщик.

Грозный. Чего болтаешь? Спокойно отвечай. С кем у меня заговор?

Али-бек. Со зверями.

Грозный. Эх ты, а еще грамотный.

Али-бек. А почему скот пропадает?

Грозный. Медведь режет.

Али-бек. А кровь где, кости где?

Грозный. Не знаю. *(Оглядывает дерево.)* Ну, кажись, готово. Поберегитесь, товарищи, маленько. *(Наваливается на дерево плечом.)*

Подрубленное дерево трещит, накреняется, валится сначала медленно, а потом все быстрее, быстрее. Падает верхушкой на ту сторону Старого Русла.

Али-бек. Зачем дерево повалил?

Грозный. Мост сделал. *(Идет по дереву спокойно, как по земле.)*

Али-бек бежит ему навстречу. Встречаются над пропастью.

Али-бек. Не пушу. Нет.

Птаха. Что вы? Ненормальные! Как же вы разойдетесь?

Али-бек. Здесь наш скот пасется, бывшего аула, колхоза «Красный кабардинец»...

Птаха. Повернитесь. Стали, как бараны.

Грозный. Спокойно, Птаха. Не бойся. Он сейчас меня пустит.

Али-бек. Не пушу. Нет.

Грозный. Зачем не пустишь?

Али-бек. Дорошенко про тебя мне все сказала.

Грозный. Она?.. Вот откуда ветер тучи пригнал...

Али-бек. Она большой человек, муллу переспорила, богачей услала; в станице первая, в ауле почетный гость. Она все видит.

Грозный. Пусти, Али-бек.

Али-бек. Знаешь, за что меня богатырь Али-бек прозвали?

Грозный. Знаю... За силу.

Али-бек. Возьму тебя на руки, вниз брошу.

Грозный. Птаха, назад!

Птаха побежала по дереву к ним. Зашаталась. Села.

П т а х а (*грозит кулаком Али-беку*). Нельзя вниз бросать.

А л и - б е к. Ложись на дерево.

Г р о з н ы й. Глаза закрой. Поворачивайся, глупый, идем ей поможем.

П т а х а. Я не боюсь... Это интересно... Това... товарищи...

Г р о з н ы й. Бери ее за плечи. Тихонько... Держи...

П т а х а. Пожалуйста, оставь. Ерунда! (*Встает. Довольно уверенно уходит обратно.*)

Грозный и Али-бек за ней.

Я этого старика давно знаю... Это кремень-старик. Вот. Ты, не знаю отчего, поглупел, и больше ничего. Идем, товарищ Грозный.

А л и - б е к. Девочка, ты прохожая, ты ничего в горах не понимаешь. Что в городе верно, в горах глупо... Не ходи с ним. Я могу тебя в кош проводить, будешь с пастухами, стариками сидеть, своих ждать...

Г р о з н ы й. Иди, коли хочешь, он человек верный.

П т а х а. Нет, дед, я тебя давно знаю, с тобой пойду.

А л и - б е к. Я у стариков отпрошусь. Я за вами следом. Мне жалко ее.

Г р о з н ы й. Хочешь — так, а лучше помоги, поищи, где ее товарищи. Мы пойдем на Атаманово Гульбище, а ты правее, на Абаго. Может, ты раньше встретишь, скажешь им, что, мол, жива Птаха.

П т а х а. Скажешь — мне стыдно, что я им работу срываю.

Г р о з н ы й. Скажешь, куда ушли. Прощай! Идем, Птаха.

Уходят.

А л и - б е к (*один*). Вернись, девочка. Не знаешь, с кем ушла. Разве он тебе товарищ? Он зверю, дереву, камню товарищ. Пропала девочка! Беги назад, пока не поздно! Это вредный старик. Старый казак. Заговорщик...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Темно. Горит костер.

Орлов. У меня с шапки льет... прямо на спину.

Мурзиков. Сними.

Орлов. Снять — волосам холодно.

Мурзиков. Ближе к костру сядь...

Орлов. Не высохнуть все равно... никогда. Мокро.

Мурзиков. Так бы и спихнул тебя с горы.

Орлов. Почему?

Мурзиков. А мне не мокро? А у меня по спине не льет? Штаны к ногам не липнут? В башмаках не хлюпает? Мне тоже кажется, что в жизни во веки веков не обсохнуть, не согреться, однако же я молчу. Подтверждаю, что интересно.

Орлов. А что интересно-то?

Мурзиков. Все.

Орлов. И дождик?

Мурзиков. Дождик мы обошли.

Орлов. Ничего себе — обошли! Льет, льет, льет...

Мурзиков. Льет... А костер мы не развели? А?

Орлов. Ну развели...

Мурзиков. Сколько раз я в школе читал, что понизу в горах идет лиственный пояс, где похолодней — хвойный. Еще выше — травы, мхи, лишайники...

Орлов. Не учи ты меня! И без того нехорошо.

Мурзиков. Где нас дождик захватил? В лиственном поясе. Дубы кругом. Надо костер развести? Надо. Горит мокрый дуб? Не горит. Что делать?

Орлов. Задается, будто сам придумал, что делать...

Мурзиков. Ну, Шура придумал. Так что? Интересно... Дуб мокрый не горит, хвоя мокрая горит... Значит, надо лезть из лист-

венного леса в хвойный. Прямо вверх на гору. Интересно. Лезем, а я не верю, что правда пояса бывают. Неужели, думаю, правда? И вдруг прилезли в хвойный пояс. Интересно!

Орлов. Очень интересно. Лезем, ветки прямо по морде лупят, камни из-под ног катятся, змеи в кустах шуршат.

Мурзиков. Где ты видел змей?

Орлов. Ну не видел, зато слышал.

Мурзиков. А костер развели?

Орлов. Ну развели...

Мурзиков. А больше всего я удивляюсь, что, как в книжке написано, так и вышло. Лиственный пояс, хвойный пояс — чудеса!

Орлов. Как будто у меня один бок уже согрелся... Пар из меня идет, как из бани... *(Смеется.)*

Мурзиков. Чего смеешься?

Орлов. Смешно... Вода кругом льет, а чаю не из чего вскипятить...

Мурзиков. Сейчас принесут. Дорошенко знает — рядом ключ. Вода, говорит, сладкая, пьешь и радуешься.

Громкий вздох откуда-то сверху.

Орлов. Что такое?

Мурзиков. Ни... не... не ври...

Орлов. Чего не врать?

Мурзиков. Ничего не было...

Орлов. Кто-то охнул...

Мурзиков. Это мне показалось...

Орлов. А мне?

Мурзиков. А ты известный трус. Ничего не было... Ну, слушай. Видишь, как тихо. Только вода по соснам шумит. *(Прислушивается.)* Все спокойно.

Сверху голос. Ой-ой-ой-ой-ой! Отвяжите, я не виноват.

Орлов и Мурзиков схватывают друг друга за руки.

Орлов. Покричать?

Мурзиков. Молчи.

Орлов. Я покричу.

Мурзиков. Молчи!

Голос. Ибрагим-бек, отпусти, друг. Я свой.

Орлов. Ты кто?

Тишина.

Мурзиков. Какой осел на дерево залез?

Тишина.

Орлов. Зачем? Кто?.. Кто сверху нас пугает?

Тишина.

Мурзиков. Молчишь?.. Я... я... я достаю пистолет... из... из ножен. Я стреляю.

Из темноты выходят Дорощенко и Суворов, несут на палке ведро.

Суворов. В кого же вы стреляете, орлы?

Орлов. Шура, с дерева человек разговаривает.

Суворов. Ишь ты? Ну, ставьте воду на костер. Живей! Согреться надо. Находка есть, ребята. Сейчас рассмотрим находку.

Мурзиков. Да погоди ты с находкой... Тут голос.

Суворов. Какой?

Мурзиков. Голос жаловался сверху, вздыхал.

Дорощенко. Ветер, должно.

Орлов. Ветер слова говорил.

Дорощенко. Какие?

Орлов. Мы не поняли.

Суворов. Это, ребята, горная болезнь. Здесь наверху давление воздуха меньше, от этого отлив крови от головы... в ушах звон. *(Рассматривает при свете костра какие-то листочки.)*

Мурзиков *(Орлову)*. Видишь? Я же тебе говорил... Это явление природы, и больше ничего. Болезнь.

Орлов. Чего брешешь?.. Сам небось сдрейфил. Когда люди пришли, я тоже думал, что явление природы... А тогда ясно я слышал... Шура, а от горной болезни разве слова могут слышаться?

Суворов *(орет)*. Ура! Тетка, ура! Ребята, ура! *(Пляшет.)*

Дорощенко *(достаёт очки)*. Взбесился!..

Суворов. Обрадовался...

Орлов. У тебя горная болезнь...

Суворов. Какое там! Птаха нашлась. Ай, умница! Ай, разумница!

Дорощенко. Как нашлась?.. Где она?.. Чего буровишь?

Суворов. Получены от нее письма.

Дорощенко. Какую почтою?

Суворов. Горною. Ты ворчала, что я в сторону отхожу, когда мы за водой шли. Помнишь?

Дорощенко. Продолжай... кратенько, кратенько.

Суворов. Я отходил, потому что белеет что-то в темноте. На деревьях, гляжу, бумажки, булавками приколотые. Я их забрал.

Мурзи́ков. Верно. У нее, у дурищи, полная коробочка жес-
тяная булавок. С цветочком коробочка.

Суво́ров. Разглядел при свете — это от нее записки.

Дороше́нко. Ну и прекрасно. А где она? Где идет?

Суво́ров. Сейчас. Дождь смыл много слов. Вот подпись. Ее?

Мурзи́ков. Ее. Ее окаянные буквы. Вроде комаров поды-
хающих ее буквы. Лапки в одну сторону, ножки в другую.

Орло́в. Не мешай. Читай, Шура.

Суво́ров. Сейчас... Вот... «Отставши в тумане...» Дальше
смыто. «На третий день погнался за мной медведь... Я от него, он
за мной... На повороте медведь поскользнулся и упал...»

Орло́в. Наверно, врет.

Мурзи́ков. Я тебе в ухо дам.

Суво́ров. «А я через кусты, все ноги исколола».

Дороше́нко. Ах ты родимая моя, бедная.

Суво́ров. «На четвертый день...» Дальше все смыл дождик.
Одна подпись осталась — «Птах».

Орло́в. Ишь ты! Как мальчишка подписывается — Птах.

Мурзи́ков. Для «а» у нее места на листке не хватило, балда.

Суво́ров. Дальше вторая записка. Все смыто. Вот ясно: «...
даже нес меня на плече... получно...» Видимо, «благополучно». На
обороте все ясно: «Я прикалываю на каждом привале десять запи-
сок. Одна пропадет — другие найдутся». Умница.

Дороше́нко. У сладкой воды отдыхала, значит. Кого она
встретила? Кто ее, Птаху, на плече нес?

Суво́ров. Дальше третья записка. «Идем на Атаманово Гуль-
бише».

Дороше́нко. Ага!

Суво́ров. Что-то такое... «...бирается на колхоз Верхний».

Дороше́нко. Вон что... Попался ей здешний человек. Немо-
лодой человек. Это старая дорога, забытая дорога.

Мурзи́ков. Почему забыли?

Дороше́нко. Обвалом ее лет двадцать назад завалило. Ни-
зом ходят теперь. А так эта дорога самая короткая.

Суво́ров. «Гроз...» Что такое? «Гроз...» Потом все смыто, по-
том опять «Гроз...»

Орло́в. Гроза, наверное...

Дороше́нко. Хорошо, если так.

Суво́ров. А почему все время «Гроз» с большой буквы? Гроза
с маленькой пишется.

Орло́в. А она не дуже грамотная.

Суворов. Последняя записка... «Страшно». Потом все смыто. Опять — «Страшно».

Дорошенко. Ах ты родная моя, родимая.

Суворов. Постой... Нет, ничего не понять. Подпись «Птаха» в конце и закорючка.

Дорошенко. Страшно ей, пишет?

Суворов. Ну, не очень, коли подпись с закорючкой. Ишь как лихо расчеркнулась. Ну... Здорово?.. Правильно я сказал «ура»?

Дорошенко. Пока-то правильно... Есть у меня соображение, к ночи говорить не буду.

Мурзиков. Знаю твои соображения. Ха-ха. Думаешь — она твоего страшного старика встретила.

Дорошенко. Молчи, парень. Молчи, слышишь?

Голос. Охо-хо-хо-хо! Развяжите меня.

Суворов. Что это?

Голос. Отпустите меня!

Орлов. Это же горная болезнь.

Суворов. Какая там горная болезнь!

Голос. Птаха пропала! Девочка погибла!

Суворов. Кто там каркает?

Тишина.

Тебе говорю: кто там?

Тишина.

Дорошенко. Подбрось хвои. Живей шевелись. Дуйте, ребята. Ну, во всю силу.

Мурзиков. Дуем.

Дорошенко. Шибче.

Орлов. Я тебе не насос. Дую сколько могу.

Дорошенко (*надевает очки, вглядывается вверх*). Не разберу. Прыгает пламя. Еще хвои.

Суворов. Человек там как будто.

Дорошенко. Да, похоже.

Суворов. Он привязан к дереву. Эй! Ты там! Кто ты? Кто тебя привязал? Эй!..

Голос. Что такое? Кто такой?

Суворов. А ты кто?

Голос. Я?

Суворов. Ну да.

Голос. Али-бек — богатырь.

Суворов. Брось шутки шутить.

Голос. Правду говорю.

Дорошенко. Ах, вот это кто. Здорово, знаком.

Голос. Товарищ Дорошенко. Ты что тут делаешь?

Дорошенко. Я-то у костра греюсь. А ты что там делаешь?

Голос. Я сплю.

Дорошенко. Спишь?

Голос. Сейчас уже проснулся, разгулялся. А то спал.

Дорошенко. Это ты, значит, во сне кричал?

Голос. Наверно. Я поясом к дереву привязался, неудобно спал, голова затекла. Сейчас слезу.

Треск веток наверху.

Дорошенко. Это он от зверья забрался повыше, ветку поудобней выбрал, поясом прикрутился и спал себе, как дите в люльке. Многие так в лесу ночуют, когда в одиночку идут.

Али-бек слезает сверху.

Али-бек. Здравствуйте. Вы кто?

Мурзиков. Ты зачем кричал: «Птаха погибла»?

Али-бек. Постой-постой. Ты ее товарищ?

Суворов. Да, да, все мы. Ты ее встретил? Ты ее вел?

Али-бек. Ах, товарищ дорогой. Я ее встретил, да не я ее вел.

Дорошенко. А кто?

Али-бек. Грозный.

Суворов. Слушайте, вы говорите прямо, что вы плохого знаете об этом Грозном. Что он такое? Бандит?

Дорошенко. Хуже.

Суворов (*Мурзикову*). Что ты хнычешь?

Мурзиков (*всхлипывает*). Вот дура! Ведет ее дурак какой-то, а она, как тот Мальчик-с-пальчик, записочки бросает.

Орлов. Тот камушки бросал.

Мурзиков. Все равно противно. Дура какая.

Суворов. Что такое Грозный? Говорите толком.

Дорошенко. Что, что? Должность у него — сторож, лесник, заповедник сторожит... А на самом деле... Землю ты знаешь? А что внизу под землей — не сразу понятно... Темно там... А как зверь ходит, о чем говорит — понятно?... Это еще темнее... Слушай. Я сама этого старика даже уважала и любила, но вот был вечер в клубе, живая газета... Помню хорошо: ревет ветер, прямо ураган, валит по станице людей, деревья скрипят, лист летит, собаки попрятались,

коровы мычат — тревожатся. А в клубе чисто, светло, рояль играет. Исполнялось так: артистка одна танцует новую дорогу, железную, электрическую, что по плану намечена через горы, а другая танцует дикую природу — то нападает на дорогу, то прячется. А классовый враг с другого боку. И так мне захотелось скорее дорогу. Чтобы ушла эта дикость. Ураган свистит...

Али-бек. Грязь летит — очень плохо.

Дорошенко. И вижу я: мрачен сидит наш Иван Иванович Грозный и не смеется, когда природа удирает, прячется.

Али-бек. Жалееет ее.

Дорошенко. Над классовым врагом смеется Грозный, а над природой нет.

Али-бек. За нее стоит, за дикость.

Дорошенко. Я прямо и спросила: что, тебе ее жаль? А он: зверя мне жаль. Образовать, говорит, его нельзя, грамоте не обучить. Ему приходит конец и гибель... Проговорился. Стала я при мечать, да по халатности запустила я его. И так кругом врагов хватало: и бывшие враги, прямые, в новой шкуре, и лень собственная, и дикость... Как, может быть, бешеная волчица, дралась я за план. Победили мы. Хочу отдохнуть — и новая беда. Скот пропадает. Давно пропадает. Где он? Ясно где. Старик его к друзьям отводит.

Орлов. Куда, куда?

Дорошенко. Зверям скармливает.

Али-бек. Зверям, понимаешь?

Суворов. Ай, спасибо за сказку.

Дорошенко. Какую сказку?

Суворов. Эх, тетка, тетка, и ты еще не вполне освоена. Что ж тут удивительного? Старик всю жизнь заповедник берег, лесником служил — ясно, он зверя жалеет.

Орлов. Бежит кто-то.

Мурзиков. Сюда бежит.

Вбегает Грозный.

Грозный. Братцы, товарищи.

Али-бек закрывается руками.

Дорошенко. Ваня, ох, Ваня.

Грозный. Это вы? Городские? Птахины?

Дорошенко. Они.

Грозный. Я вашу девочку нашел.

Суворов. Где она?

СКАЗКИ

РАССКАЗ СТАРОЙ БАЛАЛАЙКИ

Балалайка-то я балалайка, а сколько мне годов, угадай-ка!

Ежели, дядя комод, положить в твой круглый живот по ореху за каждый год — нынешний в счет не идет, — ты расселся бы, дядя, по швам — нету счета моим годам.

Начинается рассказ мой просто, отсчитайте годов этак до ста, а когда подведете счет, угадайте, какой был год.

Так вот, в этом самом году попали мы с хозяином в беду.

Мой хозяин был дед Пантелей — не видали вы людей веселей!

Борода у него была, как новая стенка, бела, сколько лет без стрижки росла, чуть наклонится поближе ко мне — и запутались волосы в струне. Бродили мы с дедом и тут и там, по рынкам да по дворам. Пели да на окна глядели — подадут или нет нам с хозяином на обед. Бывало, что подавали, а бывало, что и выгоняли. Один не дает — даст другой, что-нибудь да принесем домой.

А дом у нас был свой, не так чтоб уж очень большой, стоял над самой Невою, любовался все лето собой, а зимой обижался на лед — поглядеться, мол, не дает.

Дочка у деда померла, а внучка у нас росла. Был ей без малого год. Не покормишь ее — ревет, а после обеда схватит за бороду деда и смеется как ни в чем не бывало, будто и не кричала.

Дед ей сделал ящик, чтоб спала послаще, и очень ловко привязал к потолку веревкой.

Бывало, ползает Анютка взад и вперед, — что на полу найдет, то и тянет в рот. Поймает ее дед, кряхтя, бородой половицы метя, положит в ящик на самое дно, поглядит в окно — «Пора, балалайка, пора зашагать от двора до двора. Прощайте, внучка и дом, придем, когда денег наберем».

Где теперь те дворы да глазища детворы, что смотрели деду в рот, только старый запоет!

Глянет дед по сторонам да пройдет по струнам.

— Ну-ка, ну-ка, балалайка, выговаривай:

Что ты рот открыла, тетка,
Залетит ворона в глотку
И вперед не пройдет
И назад не повернет
Подходите ближе, братцы!
Что вам старика бояться?
Подходи, подходи,
Балалайка, гуди!
Говори, балалайка, уговаривай!

Пели, уговаривали, — люди нас одаривали: кто хлеба кусок нам бросит в мешок, кто кинет грош — намучишься, пока найдешь.

Так и шли дни за днями — пустые одни, другие с блинами.

И вот пришла беда — осердилась на город вода.

Осенью дело было, всю ночь в трубе выло. Дрожали стекла, крыша промокла, дождик накапал прямо на пол.

Утром глянули за окно — невесело, темно. Да и дома вряд ли веселей — стоит в луже Пантелей и смотрит в потолок — как это он протек, а внучка с ветром спор ведет: кто кого переорет.

Пожал дед плечами, постоял перед нами, дал Анютке молока, а меня схватил за бока. Рады или не рады — все равно, идти надо. Потому что нужен обед да ужин.

Вышли — сначала чуть бороду деду не оторвало. Хлестнуло волосами в глаза — даже прошибла слеза.

Поглядел с укоризною дед: что ты, ветер, в уме или нет? Провел рукавом по глазам и, вздохнув, пошел по дворам.

Ну и вода-водица, что на улицах творится!

Едет барыня в карете — есть же счастливые на свете!.. А сзади лакеи, льет с шапок за шеи, за мокрые ливреи. Спереди кучер — мрачнее тучи. Фыркают кони — вот-вот карета потонет.

Бежит старичок, распахнулся у него сюртучок, а под сюртучком у бедняги важные бумаги. Завертелся старичок, как волчок:

«Промокнут! Беда! Испортит бумаги вода».

А вот ведут солдат, в ниточку ряд, молодец к молодцу, лупит их дождь по лицу, бьет во всю мочь, прыгают капли прочь, а солдаты идут не моргнут, будто они не живые, а заводные.

Кричали, брэнчали мы по дворам, и тут и там, и этак и так, только раздражили собак.

А ветер все злее лупит по шее, бьет по щекам и орет еще жалобней деда, будто и сам просит обеда.

И вдруг бах! — раз, бах! — два, бах! бах! бах! — пять, — и пошло стрелять.

Сколько лет прошло, а помню — как глянул дед, как стал без движенья, говорит — наводнение!

Пушка! Пушка!

Чуть не сбила нас с ног старушка с большущим узлом, забегала кругом в тревоге — никак не найдет дороги.

Несется купец, бледный как мертвец: «Пропала, — кричит, — моя голова, лезет из берегов Нева, как из бутылки пиво. Запирайте! Живо!»

Тут дед со мной — бегом домой.

Ну и вода-водица, что на улицах творится!

Пушка бьет, бьет, бьет, мечется народ взад и вперед, волокут из подвалов корзины, узлы, подушки, перины, ищут ребят, ребята пищат; от перепуга давят друг друга — и смешно и жалко, будто ткнули в муравейник палкой.

Сидит в луже пьяный, обнимает тулуп рваный да помятый самовар и орет: «Пожар! Пожар!»

Подбежали к реке — затряслась я у деда в руке.

Вода черная, как в темную ночь, о берег бьет во всю мочь, тесно ей стало, места ей мало. Серый вал зашуршал, через дорогу перебежал, стал на дыбы от злости и нырнул в подвал к бедняге в гости.

Брызнули стекла, занавеска промокла, пискнул в клетке скворец — почуял бедняга конец, — и поплыли, качаясь, стулья, скамейка, стол.

Не в пору хозяин из дома ушел!

Вот наш дом, ветер стучит замком, суетится вода кругом. Еще немного — и дойдет до порога.

Дед за ключом — не может найти, потерял по пути. Тянет дед замок, прямо падает с ног, ломает, бьет — никак не оторвет. Расшиб стекло кулаком — и в дом, а за дедом ветер с дождем. И пошла суета да тревога. Мечется дед от окна до порога, машет рукой, говорит сам с собой, схватит то ящик, то подушки, а стекла звенят от пушки, пол шипит от воды — дожили мы до беды!

Струйки просочились через щели, на половицах заблестели, поползли, как змеи, все быстрее и быстрее, перепутались узлами, и закружилась вода под ногами.

Прицепил меня дед высоко на гвозде, а сам — по колено в воде.

«Знаю, — кричит, — как быть: надо скорее уплыть; возьму у соседа молоток, собью замок, стол вынесем, перевернем и на нем через Неву переплывем!»

Крикнул — и прыгнул в окно, а на улице уже темно. Пляшет вода кругом, подрагивает дом. Дребезжат стекла в окне, трещат бревна в стене. А кто-то орет во всю глотку: «Лодку! Лодку!»

Скорей, скорей, дедушка Пантелей!

Вода все ближе, вода все выше, а ну как зальет от пола до крыши?

Звякнули стекла — идет! Идет! Нет, вскочил на окошко лохматый кот, оглянулся и место посуше нашел, перепрыгнул с окна на стол.

И тут — как рванется дом! Матушки! Да никак мы плывем!

Сразу тише стало, закружило нас, закачало, чугуны на печи стучат, шлепнулся в воду ухват, и царапает по столу кот, боится, что упадет.

Эх, дедушка-дед, натворил ты бед, не в добрый час ты ушел от нас!

Стало светло за окном, зачернела рама крестом; вот солнечный луч из-за туч, пожелтело, потеплело.

Матушки, беда! Кругом вода, одна вода!

Нет соседских домов, не слышать голосов. Тихий плеск да белый блеск, и далеко, далеко, как черная точка, — бочка. И все... Куда же нас несет?

Прыгнул к Анютке кот, улегся и песенку поет. Анютка уснула от качки и гула, — только я, балалайка, тужу, только я, балалайка, в окошко гляжу.

Эх ты, дед Пантелей, не видать тебе внучки веселой своей.

Качаются у дома щепки да солома.

Взъерошился кот, поводит ушами, — плывет доска сплошь покрыта мышами. Пищат мыши, друг друга толкают, лезут к середине — подальше от края.

Иные на задних лапках стоят, глаза их, что капли, блестят, шевелят усами, поводят носами, вертят головой туда и сюда: куда же, мол, несет нас вода?

А за ними в клетке зеленая птица, нахохлилась — видно, боится.

Поглядела птица кругом, увидала меня за окном и крикнула так: «Дурак! Дурак! Дурак!»

И не думала птица, что скоро нам с ней подружиться...

И опять у дома только щепки да солома, качаемся в тишине, одни стекла дребезжат в окне.

И вдруг гулко над самой водой голос и другой.

Говорит один: «Гляди — дом впереди!»

Говорит другой: «Да он пустой».

А первый в ответ: «А ежели нет?»

А ему другой: «Да ты что, слепой? Получше смотри — замок на двери. Значит, дом нежилой, поворачивай домой».

Эх, дедушка-дед, натворил ты бед, что же теперь будет с нами — не звенят мои струны сами... Как мне людей на помощь позвать?

А под окном разговор опять.

— Да что тебе лень проехать сажень?

— Ну ладно, верти рулем, держи на дом!

— Стой! Кто-то бранится.

— Смотри-ка — птица.

— Вот это находка!

— Ворочай лодку. Птица дорогая, а что в этом сарае? Спрячь ее за пазуху, согрей — да к берегу скорей.

И поплыли ребята прочь.

А я как стукнусь о стенку во всю мочь — и задрезбуждала на одной струне:

— Ко мне ребята! Ко мне!

Сначала тишина у окна.

А потом говорит один: «Погоди, балалайка гудит!» А ему говорит другой: «А ежели там домовый?» А первый в ответ: «Ты в уме али нет? Где же это бывает, что домовый на балалайке играет? Не дери даром глотку, поворачивай лодку!»

Вот шарит рука по стене, показался парень в окне.

Взглянул и покрутил головой — «Дом-то и вправду пустой. Непонятное дело — почему же балалайка звенела?»

А снизу шепчет другой: «Я же тебе говорил — домовый!»

Тут Анютка как заревет — чуть не выпал из ящика кот.

Парня перекосило: «И впрямь нечистая сила. Кот человеческим голосом орет».

И оттолкнулся с размаха, чуть в воду не упал от страха.

Завели ребята спор под окном.

Один стоит на своем: «Давай этот дом подожжем!» А ему другой: «Да он сырой, не сгорит все равно: лучше пустим его на дно!»

Эх, дедушка-дед, без тебя я натворила бед! Позвать я людей сумела, а как им объяснить, в чем дело?

И тут я вижу — плывет челнок, а в челноке старичок в шапке с большим козырьком и тоже глядит на дом.

— Что, — хрипит, — случилось, ребята? Отчего пошел войной брат на брата?

— Кузьмич! — обрадовались ребята. — Ты много видал когда-то: и в солдатах служил и на турку ходил. Прожил лет сто пример-

но, а такого не видал наверно. Тут кот человеческим голосом орет. Балалайка бренчит сама собой... Ясное дело — домовой!

— Сбей, — хрипит Кузьмич, — замок веслом, загляну я в дом.

Слетел замок — и вошел старичок.

Кустами брови, нос красней моркови, морщины, как паутина, и такая на подбородке щетина — хоть чисть коня. Стоит да глядит на Анютку да на меня.

Постоял перед нами, пошевелил бровями и ухватился от смеха за живот — вот-вот упадет.

— Да, — говорит, — ребята! Много я видел когда-то, и в солдатах служил и на турку ходил, но чтоб люди от балалайки бежали да перед младенцем дрожали — вижу впервой! Вот он, ваш домовой!

И показал на меня и на Анютку.

«Везите, — говорит, — на берег малютку. От голоду девчонка кричала, от качки балалайка бренчала».

Привязали ребята лодки к страшной находке, на весла налегли да дом с собой и повезли.

А я на радостях бречу: «Слава тебе, храброму солдату Кузьмичу!»

Показались заборы да крыши. Вот все тише мы едем да тише, вот стукнулись, стали, качаться перестали.

А ребята сбесились ровно! Понравились им наши бревна — никак не решат, кому брать дом. Орут — даже собрался народ кругом. И тут, как ни рассуждай, а только спас нас попугай.

Взбрело будочникам на ум — взглянуть, что это за шум.

Знаешь ты, например, что такое милиционер?

Красная шапка, черный козырек, на боку шашка, на груди свисток.

И ночью и днем озирается кругом, во все стороны глядит — за порядком следит.

А в то время будочники были, тоже за порядком следили.

Целые сутки не вылезали из будки. Выглянут изредка повидать знакомых или поискать насекомых.

А для устрашения воров было у них что-то вроде топоров, только топорище аршина в два, не годилось рубить дрова. Прибежали будочники вчетвером, заглянули в дом, схватили за шиворот ребят, чего, мол, кричат? Но тут птица решила за ребят вступиться. И гаркнула из-за пазухи так: «Дурак!»

Ахнул народ кругом — будочника обругали дураком!

Будочник покраснел как рак. «Это я, — говорит, — дурак?» Да как застучит топором: «Сейчас же к начальству идем!»

— Да это не я, птица!

— А кто научил ее браниться? Да подлые вы люди, да вам такое будет, да вас мало повесить!

Ребята ему — слово, а он им — десять.

Словом, как ни плакали ребята, а повели их куда-то, а с ними разаз забрали и нас.

Тут же и кот — и его будочник несет. «Есть, — говорит, — приказ на этот счет, забирать весь приبلудный скот».

Ташат нас и ташат, а народ глаза тарашит, иные следом бегут: «Да кого ж это ведут?»

Догнала нас какая-то старушонка, пожалела, видно, ребенка; запыхалась — бежала издалека — и сует Анютке молока.

И сразу собрался народ — глядеть, как Анютка пьет. Наседают друг на друга, толкаются, разглядеть получше стараются.

И вдруг завертелся народ, как вода в воронке, — пробирается кто-то к девчонке, валит всех на пути, спешит пройти. «Давайте, — кричит, — ее сюда!» — И прет из толпы борода.

Матушки, да это наш дед, в мешок какой-то одет, ободран, бос, желт, как воск, руки трясутся, во все стороны суются, слезы из глаз — вот-вот упадет сейчас, но все-таки орет, на помощь народ зовет.

И пошли они кричать друг на друга: дед — от испуга, будочник оттого, что привык смолоду, а девчонка — с голоду.

Гудит народ — ничего не поймет.

Полезли свидетели, на все вопросы ответили, ввали, себя не жалея, будто знают давно Пантелея и всех его родных — и мертвых и живых. А две бабы сказали, что меня, балалайку, еще маленькую знали и что кот у нас от рожденья живет.

Перестали будочники сердиться и отдали деду и нас, и кота, и даже птицу.

После дед разводил руками: «А вы почему с нами?»

И отвечал попугай ему так: «Дурак!»

Что было потом? Ну, нашли новый дом да зажили впятером.

Бродили и тут и там, по рынкам и по дворам, пели да жалобно глядели, подадут нам или нет — внучке на обед?

И попугай был с нами, качался у деда за плечами и покрикивал следом за мной и за дедом: «Говори, балалайка, выговаривай!»

Эх, дедушка-дед! Сколько мы не виделись лет, а бывало — не было дня, чтоб ты дома оставил меня!

Давно меня в руки не брали, — неужели все играть перестали?

ПЕТЬКА-ПЕТУХ, ДЕРЕВЕНСКИЙ ПАСТУХ

Петька-Петух, деревенский пастух, двенадцати лет, разут и раздет, а как щелкнет кнутом на пригорке крутом да посмотрит вокруг на зеленый луг — экий, скажешь, орел в пастухи пошел.

Орел-то орел, а подвел его вол. Ох, буча пошла из-за пегого вола! Ох, вол ты мой вол, да куда ж ты ушел?

Кричит дядя Тарас: «А ты где его пас? Там и ищи, а пропал — не взыщи. При всех разложу и кнутом накажу. А потом тебя в суд дурака отведут».

Петька-петух, деревенский пастух, двенадцати лет, разут и раздет, а как начал кричать да палкой стучать: «Я два года пас, что пропало у вас? Недоел, недоспал — кто спасибо сказал? А теперь ты за кнут? А теперь меня в суд? Это верно, что в суд — да кого поведут?»

Сказал — и бегом, только пыль столбом.

Ну и ночка, видна каждая кочка, каждая травинка видна — такая на небе луна. Слышать, как трава растет, слышать, как жучок ползет, каждая мошка слышна — такая в степи тишина. А вола и не слышно и не видно — заплакал бы Петька, да стыдно.

Вышел Петух на бугор — вдруг видит внизу костер. Горит, полыхает, комаров пугает. Двое людей, тройка коней. Пошел было Петька-Петух, а костер зашипел и потух. И кто-то навстречу скачет — багюшки, что ж это значит? Разом погас костер. Кто-то скачет верхом на бугор — странное дело, братцы, есть отчего испугаться. Петька в траву головой — и замер живой-неживой.

Покрутился кругом верховой и кричит: «Эй ты, чумовой! Для чего ты костер залил, для чего ты кулеш загубил? А еще говорят, что ты старший конокрад. Конокрад нынче хуже зайца, каждого куста пугается. Ступай, дуралей, стреножь коней. Для того ли крали, чтоб они удрали?»

Затих разговор, потух костер, конокрады спят, кони уздечками звенят. Трава шевелится, ползет как лисица Петька-Петух, дере-

венский пастух. Кнут в руках, нож в зубах, еле дышит, сам себя не слышит, ползет, ползет вперед и вперед.

Конокрады храпят каждый на свой лад, один со свистом, другой басисто. А конь стреноженный, дрожит — встревоженный. Петька у ног конских прилег: «Стой, Карий, минуту — разрежу пути. Тише ты, тише, конокрад услышит!» — И как взлетит верхом одним прыжком да как свистнет на коня! Эх, потопчем зеленыя!

Ну и ночка, видна каждая кочка, каждая травка — такая на небе луна. Горки да ямы, прямо да прямо. Карий летит, ветер свистит. А конокрады наперерез, блестит под луной обрез. Ну и кони, вот-вот догонят. Эй, Петька-Петух, гони во весь дух!

А у Тарасовых ворот суетится народ, седлают коней — скорей, скорей! Сам Тарас босой, с непокрытой головой, прыгает вокруг коня — посадите меня! Гоните за Карим, не теряйте времени даром!

И вдруг из-за угла сам Карий, как стрела, крутым поворотом подлетел к воротам и встал как влитой, и затряс головой — видно, твердая рука у лихого седока.

— Получай от меня за вола коня.

Ай да Петка-Петух, деревенский пастух!

Кричит дядя Тарас:

— Как ты Карего спас? Это конь пяти лет, да ему цены нет! Ах ты парень бедовый, получай рупь-целковый. А беглец-то, вол, сам домой пришел!

Петька-Петух, деревенский пастух, двенадцати лет, разут и раздет, а рукой взмахнул — и целковый швырнул.

— То про суд говоришь, то целковый даришь! Ничего мне не надо, прощай, мое стадо, прощайте, луга, — я вам не слуга!

И пошел Петька прочь, в лунную ночь. Взял да ушел Петька-орел. Только его и видели — очень уж парня обидели!

ДВА ДРУГА — ХОМУТ И ПОДПРУГА

Жили-были два друга — Хомут и Подпруга. Была у них кобыла да тетка Ненила. Кобыла сивая, а тетка красивая. Занедужилось тетке — щучья кость застряла в глотке. От косточки щучьей стал у нее голос страшный, хрипучий. Стали косточку тащить — поломали клещи.

— Ну, — хрипит Ненила, — без клещей мне могила. Накормлю я вас щами, и езжайте в город за клещами.

И Подпруга и Хомут в один голос ревут, слезы льют на бороды, боятся они города. Ну, тетка Ненила ребят пристыдила, похлебали они шей — и в город скорей.

Пришел поезд на вокзал, носильщик толпой побежал, у каждого на груди бляха — затрясся Подпруга от страха. Бегут люди нумерованные, бегут вещи запакованные.

— Караул! Это воры, больно на ногу скоры!

— Нет, — говорит Хомут, — они вещи при всех берут. А вот зачем у них номерки возле правой руки?

— А это, — говорит Подпруга, — чтобы знать, как позвать друга друга. Кажись, говорила Ненила, что на всех здесь имен не хватило. Ведь всего-то полсотни имен, а народу в городе мильон. Вот заместо имен номерки возле правой руки.

Вышли с вокзала — обоим жарко стало. Во все стороны улицы, извозчики кружатся. Зашептались Хомут и Подпруга, схватили под мышки друг друга. Очухался первым Хомут:

— Где же здесь клещи продают?

Идет мимо тетка, меха до подбородка, каблуки в аршин и юбкой шуршит.

— Тетя, — говорит Хомут, — где же здесь клещи продают?

А она лицо воротит:

— Какая я вам тетя?

Взял ее за локоть Подпруга: «Объясни, не сердись, будь другом!» А она: «Это что за манера — поди да спроси милиционера!» Ткнула в площадь пальцем и поплыла с перевальцем.

Глянули ребята на площадь, а на площади лошадь залезла на ящик, глазища таращит, на лошади бородач, пудов в десять силач, в плечах широк, рука в бок — милиционер и есть: «Где же тут клещи, ваша честь?»

Молчит дядя, поверх ребят глядя.

Покричали с полчаса, надорвали голоса. Озлился Хомут:

— Ты хоть важный, а плут! Думаешь, дадим на чай? Так на, полчай, вот тебе шиш за то, что молчишь!

Вдруг идет малец, панельный купец, сам с ноготок, на брюхе лоток.

— Кричать, — говорит, — бесполезно, бородач-то у нас железный. Дурья твоя голова — видишь, на ящике слова: «Мой сын и мой отец при жизни казнены, а я пожал удел посмертного бесславья, торчу здесь пугалом чугунным для страны, навеки сбросившей ярмо самодержавья!»

— Прости, — говорит Хомут, — мы приезжие тут. А где бы нам купить клещи?

— А ты кузнечный ряд ищи.

— А где ж кузнечный ряд?

— А туда идут все трамваи подряд.

— Ваша честь, а как нам на трамвай сесть?

— Вы ступайте-ка на двор, там в конце двора забор, у забора станьте да на небо гляньте, ухватитесь за живот и орите во весь рот: «Трамвай подавай, трамвай подавай!»

Вошли ребята во двор, отыскали забор, ухватились за живот, заорали во весь рот: «Трамвай подавай» да «Трамвай подавай!»

Дворник подбежал с метлой, а они ему: «Постой, не мешай, не замай, трамвай подавай!»

Дворник крикнул, метлу оземь брякнул, взял ребят за шиворот, за ворота выволок.

— Ну, — говорит Хомут, — коль трамваи не идут, значит, дело неспроста, значит, заняты места. Пойдем пешком, добредем шажком.

Орут друг на друга Хомут и Подпруга, стоят у машины, глядят на шины. А шофер молодой — в мех ушел бородой, с присвистом дышит, уснул и не слышит.

— Экой ты бестолковый! Говорят тебе, обод дубовый!

— Эх ты, неумытая рожа! Говорят тебе — это кожа.

— На вот тебе ножик, ткни-ка — дуб или кожа.

Ткнул ножом Подпруга, ошалел от испуга. Лопнула шина, дрогнула машина. Заорал шофер со сна. Ударил в сигнал. Зарычал гудок, а ребята наутек.

Дошли до угла — голова кругом пошла. Суета и давка, что ни шаг, то лавка. Ситец в цветочек — тетке на платочек!

— Купец, — говорит Хомут, — а почему у вас ситец продают?

— За этот полтина для хорошего гражданина...

— Отрежь аршин!

— Виноват, гражданин! Аршинов больше нет, продают у нас на метр.

— Ладно, — говорит Хомут, — продают — так продают.

Купил Хомут ситца, а Подпруга на сахар косится.

— Почему сахар?

— Двадцать пять.

— Так и быть, придется взять.

— Сколько прикажете отвесить?

— Да этак — метров десять!

Поглядел купец сурово, не сказал ни слова, погрозил приятелям и ушел к другим покупателям...

ВОЙНА ПЕТРУШКИ И СТЕПКИ-РАСТРЕПКИ

Смотрите на Степку, глядите на Растрепку!

В чернилах руки, в известке брюки, на рубашке пятна — смотреть неприятно.

У Степкиного дома — прелая солома, метлы торчат, галки кричат.

У крыльца стоит Степан, поднимает грязный чан, то сам отопьет, то свинье подает.

Вот стоит Петрушка, гладкая макушка. Вымыты руки, выглажены брюки, рубашка как снег — аккуратный человек. Стоит в саду Петрушкин дом, игрушки бегают кругом, попадешь к нему в сад — не захочешь назад.

Бежит, как шелковый клубок, ученый пес его Пушок: «Тяф-тяф! Пожалуйста за мной, вас ждет давно хозяин мой!»

И говорит Петрушка, гладкая макушка:

— Войдите, мы вам рады. Хотите шоколаду?

ПЕСЕНКА ПЕТРУШКИ

У меня родня — игрушки,

У меня звон и шум.

Медвежонок — брат Петрушки,

Ванька-Встанька — сват и кум.

Дзинь-бум!

Сват и кум!

Спать ложимся ровно в восемь,

Ровно в шесть уже встаем.

Пол метем и воду носим,

Щепки колом топором.

Дзинь-бом!

Топором!

Самый лучший дом на свете —

Светлый дом, Петрушкин дом!

Умывайтесь чаще, дети, —
Мы вас в гости позовем.
Дзинь-бом!
Позовем!

ПЕСЕНКА СТЕПКИ-РАСТРЕПКИ

Я Степка-Растрепка
Хрю!
Я свиньям похлебку
Варю!
Нет в мире похлебки вкусней.
Не веришь — спроси у свиной!
Вся нечисть и грязь
Хрю!
Ко мне собралась,
К свинарю.
Нет в мире меня грязней.
Не веришь — спроси у свиной!
Я умник большой
Хрю!
«Ученье долой!» —
Говорю.
Нет в мире меня умней.
Не веришь — спроси у свиной!
Я первый герой
Хрю!
Пусть выйдет любой —
Поборю.
Нет в мире меня сильней.
Не веришь — спроси у свиной!

Была у Петрушки дочка Погремушка. Весь свет обойдешь —
милей не найдешь.

Увидал ее Степка, грязный Растрепка, почесал свою гриву.

— Ничего, — говорит, — красива! Я сейчас на ней женюсь либо
в луже утоплюсь!

Побежал Степан домой, воротился со свиной.

Земля задрожала, свиная завизжала, испугался Пушок, удрал
со всех ног. Погремушка махнула рукой:

— Уходи, такой-сякой! Забирай подарок гадкий, удирай во все
лопатки!

А Степан берет лягушку, угощает Погремушку:

— Кушайте, красавица, это вам понравится!

Квакнула лягушка, ахнула Погремушка, махнула рукой, убежала домой.

— Я, — говорит, — не прошу, я, — говорит, — отомщу!

Взял Степан бутылку чернил да Пушка и окатил. Пушок завизжал, к хозяину прибежал:

— Обидел меня Степка, запачкал меня Растрепка!

Рассердился Петрушка, гладкая макушка:

— Я, — говорит, — ему не прошу! Я, — говорит, — ему отомщу!

Развел Петрушка мелу кадушку и Растрепке отомстил — свинью мелом окатил.

Свинья завизжала, к хозяину прибежала:

— Пожалей свою бедную свинку: побелил ей Петрушка спинку!

Топнул Растрепка ногой и пошел на Петрушку войной.

Свинья бежит, земля дрожит. На свинье Степка, грозный Растрепка, а за ним в ряд воины спешат — родственники Степки, младшие растрепки.

Храбро за Петрушкой в бой пошли игрушки. Пушки новые палат, ядра — чистый шоколад!

Степкины солдаты, жадные ребята, увидели шоколад — и сражаться не хотят. Ядра ловят прямо в рот — вот прожорливый народ! Ловили да ели, пока не отяжелели. Повалились спать — где уж там воевать!

Во дворе Петрушки пляшут все игрушки. Бьет Петрушка в барабан: нынче в плен попал Степан!

Идет Степка пленный, плачет Степка бедный:

— Прощайте, поросята, веселые ребята! Прощайте, мои свинки, шетинистые спинки! Я в плен попал, я навек пропал!

Подошел Петрушка, гладкая макушка, и крикнул страшным голосом:

— Остричь Растрепке волосы, свести в баню потом и держать под замком!

Пять мастеров над Степкой билось, двенадцать ножниц иступись. Растрепкиных волос увезли целый воз. Постригли, помыли и в тюрьму посадили.

Служил у Петрушки лекарь, чинил любого калеку. Ногу, скажем, пришьет, йодом зальет — глядь! — нога и приросла, будто так и была.

Привели к нему раненых солдат. «Почини», — говорят. Скорее да скорее. Доктор рук не жалеет: то зашьет, то зальет, тратит бочками йод. Кончил шить — вот беда! — всё пришито не туда.

Раненые воины все до слез расстроены. Один видит вдруг — ноги вместо рук. Убивается другой: «Не могу ходить рукой!»

А командиру — что за срам! — пришили голову к ногам. Утешает лекарь командира:

— Зато вам не надо мундира. А раз вам нужны только брюки — для чего вам туловище и руки?

Шла Погремушка домой, поравнялась с тюрьмой — что же это значит? Кто же это плачет?

Это Степка слезы льет, Степка песенку поет:

Я тихонько сижу,
На окно гляжу.
Как светло за окном.
Как темно кругом!
Никто меня не слышит,
Шуршат в подполье мыши,
Кричат часовые
Страшные да злые.
Не с кем мне поиграть,
Не с кем слова сказать!

Погремушка поглядела — арестанта пожалела: у него башка остриженная, у него лицо обиженное...

Голосил он так уныло, что она его простила.

Помчалась домой, ключ схватила большой, прибежала назад:

— Вылезай-ка, брат! Бежим со мной ко мне домой!

Говорит Погремушка:

— Не сердись на нас, Петрушка! Я видала, как в темнице Степка бедный томится. Одолела меня жалость, мое сердце так и сжалось, я обиды позабыла и его освободила.

Говорит Степка, бывший Растрепка:

— Ты меня прости и домойпусти. Я помою всех знакомых, уничтожу насекомых, мелом выбелю дом и сюда бегом. Подари ты мне игрушки и жени на Погремушке. Я примусь тогда за чтение, и возьмусь я за ученье!

Покачал Петрушка головой:

— Что же делать мне с тобой! Все прощу я, так и быть, если руки будешь мыть!

Мчится Степка домой с мочалкой большой, а за ним несется в ряд голых банщиков отряд.

Дома баню затопили и к работе приступили.

Две недели не пили, не ели, мыли да поливали, брили да подстригали.

Всех помыли, никого не забыли! Стали вымытые в ряд, банщиков благодарят.

Веселый задал пир Петрушка на свадьбе Степки с Погремушкой.

Двадцать три торта разного сорта, яблоки с арбуз, как сахар на вкус, ташкентский виноград, конфеты, шоколад — гости еле-еле все это поели!

А пошли плясать, прямо ног не видать — так высоко прыгали, так ногами дрыгали.

В оркестре у Степана два порвали барабана, чуть не лопнул трубач, а скрипач пустился вскачь:

На руках моих мозоли,
Нету больше канифоли.
Надоело мне играть,
Очень хочется плясать!

Три сапожника в зале к плясунам подбегали, зашивали башмаки, подбивали каблуки.

Раздавали повара сахарные веера; веерами обведали, лимонадом угощали.

Сам Петрушка плясал, пока на пол не упал; полежал минут пять — и опять пошел плясать!

Есть еще на свете скверные дети вроде Степки, неряхи и растрепки. Не хотят мыться, не хотят учиться.

Как пойдут по улице, прохожие хмурятся, собаки бросаются, лошади пугаются.

Кто боится воды — тот дождется беды. А кто любит мыться, любит учиться, тот скорее растет, веселее живет.

Здесь налево и направо нарисован мальчик Пава. Он растрепкой был сначала — мама плакала, рыдала. Посмотрите — стали птицы в голове его гнездиться.

Он узнал из нашей книжки, что нельзя прожить без стрижи.

Начал мальчик Пава мыться, и работать, и учиться.

Глянь налево, глянь направо — где красивый мальчик Пава?¹

1925

¹ Впервые сказка «Война Петрушки и Степки-Растрепки» была напечатана в виде иллюстрированной детской книжки ленинградским издательством «Радуга» в 1925 г. — *Примеч. ред.*

КИНОСЦЕНАРИИ

ДОКТОР АЙБОЛИТ

ЧАСТЬ 1

ТИТР: Жил-был доктор. Он был добрый. Звали его Айболит.

Перед зрителями появляется большой стол, заставленный баночками, коробочками, пузырьками и лекарствами. Среди всех этих медикаментов возвышается порядочных размеров бочка. Широколицый, полный человек в очках стоит возле стола, наклеивает на бочку белый бумажный лист. Затем, окунув кисточку в бутылочку с тушью, человек этот пишет на листе:

МИКСТУРА ОТ КАШЛЯ

для слона ДЖУМБО.

Принимать перед едой

три раза в день

по одному ведру.

Доктор АЙБОЛИТ.

Кончив писать, доктор открывает окно. За окном стоит, ждет огромный слон.

— Твое лекарство готово, Джумбо, — говорит доктор.

Слон кланяется.

— Пожалуйста, — отвечает Айболит. — Но смотри, никогда больше не ешь пятьсот порций мороженого зараз.

Слон кланяется.

— То-то. Ну, бери свою микстуру.

Слон хоботом забирает бочку, ставит у своих ног и снова протягивает хобот в окно.

— Что тебе еще нужно? — спрашивает доктор Айболит.

Слон кряхтит, гудит, кивает головой.

— Ах, да! — восклицает доктор и отходит к противоположной стене комнаты.

Там висит полка, в которой укреплены термометры самых разнообразных размеров. Над самым большим из них надпись:

ДЛЯ СЛОНОВ.

Над самым крошечным — табличка:

ДЛЯ ВОРОБЬЕВ.

Доктор берет слоновый термометр — примерно в три четверти метра длиной — и протягивает своему пациенту. Слон, взяв термометр, собирается уйти.

— Погоди, — останавливает его Айболит. — Осторожней встряхивай его.

Слон кивает головой.

— Прошлый раз, встряхивая термометр, ты ударил по голове зебру и чуть не убил ее. Смотри, чтобы это не повторилось!

Слон кивает головой.

— А то я рассержусь.

— Ладно, — отвечает слон глубоким басом.

Уходит.

Доктор идет к столу, опускается в кресло, берет тетрадь в толстом переплете, собирается ее открыть — и вдруг прислушивается, вытянув шею.

Раздается едва слышное тоненькое, жалобное жужжанье и писк.

— Вы ко мне? — спрашивает доктор, взглянув во что-то очень маленькое, невидимое еще зрителю.

Жужжанье делается громче.

Доктор протягивает над столом руку и говорит:

— Кануки-кануки! Садитесь, пожалуйста!

Жужжанье переходит в негромкую печальную музыку. Рука доктора — крупным планом.

На руку опускается мотылек. Тончайшим голоском поет он:

Я несчастный, я несчастный мотылек.

Я на свечке свое крылышко обжег.

Помоги мне, помоги мне, Айболит.

Мое раненое крылышко болит...

Доктор отвечает мотыльку негромко, чтобы не напугать его и не оглушить:

Не печалься, мотылек,

Ты ложись на бочок,

Я пришью тебе другое,

Шелковое, голубое,

Новое,

Хорошее

Крылышко!

Громкий стук в дверь. Музыка обрывается.

ТИТР: И была у доктора злая сестра, которую звали Варвара.

Стук становится все громче и громче. Обернувшись к двери, доктор спрашивает:

— Кто там?

Доктору отвечает злой, визгливый голос.

— Это я! Отопри же сию секунду!

Доктор вздыхает.

Осторожно берет пинцетом мотылька. Сажает его на коробочку с порошками.

Идет к двери.

Отпирает ее.

И в комнату врывается разъяренная Варвара.

Она старше доктора. Ее полуседые волосы в беспорядке.

Когда она, сердясь, вертит головой — из узла на ее затылке во все стороны летят шпильки.

— Вот они, твои звери! — кричит Варвара. — Смотри! Смотри, что делается! Ужас!

Она хватается доктора за руку. Силой тащит его к окну. Показывает.

Большой крокодил посреди двора с увлечением пожирает что-то.

— Знаешь, что он ест? А?

— Я занят сейчас, Варвара! — отвечает доктор.

— Он ест мою любимую зеленую юбку.

— Где он ее нашел? — спрашивает доктор.

— Она валялась у меня на окошке. А он схватил ее своими зубищами.

— И хорошо сделал, — возражает доктор спокойно, направляясь к столу. — Юбку надо прятать в шкаф, а не бросать на окошко.

Доктор продолжает возиться с мотыльком, а Варвара, неистовствуя, мечется по комнате.

— Звери, звери, всюду одни звери! Я не могу их видеть. Они денег тебе не платят, а лечатся! — вопит она.

— Ну а что им делать, если они больны?

— Пусть околевают! Я добрая, я тихая, а они превратили меня в разбойницу! В комоды живут зайцы...

Варвара бросается к комоду, выдвигает ящик. Оттуда выглядывает зайчиха с тремя зайчиками...

— В шкафу живет белка, — продолжает Варвара, распахивает дверцу шкафа.

Из кармана висящего в шкафу пальто прыгает белка и несется вверх по рукаву.

— В сундуке белые мыши! — визжит Варвара, откидывая крышку сундука.

Узенькие мордочки белых мышей выглядывают оттуда.

— И когда ты их всех выгонишь вон? — спрашивает Варвара. — Ну? Говори!

— Никогда! — отвечает доктор. — Это все мои друзья. Я их люблю.

Варвара в отчаянии падает на диван и тут же вскакивает с визгом.

— Что такое? — спрашивает доктор.

Варвара только трясет свирепо головой, так что шпильки летят во все стороны, и показывает пальцем на диван. Доктор подходит к дивану и, взглядевшись, говорит:

— Ты забыла, что на диване у меня живет еж!

Он гладит ежа, затем возвращается к столу, берет пинцетом мотылька и, подойдя к окну, выпускает своего пациента. Раздается музыка, легкая, веселая. Мотылек пляшет в воздухе. Вокруг него вьются стрекозы, бабочки.

— Смотри, Варвара, — говорит доктор. — Смотри, как это приятно. Он прилетел ко мне больной, раненый, беспомощный. Он погиб бы без меня. А я ему пришил крылышко и отпустил его. И теперь — видишь:

Засмеялся мотылек
И помчался на лужок,
И летает под березами
С бабочками и стрекозами.
Я добра ему хочу,
Из окна ему кричу —
Ладно, ладно, веселись,
Только свечки берегись!

— А я зла ему хочу, — кричит Варвара, передразнивая доктора. Музыка обрывается.

— Я хочу, чтобы он сторел на свечке! — кричит Варвара.

Доктор оборачивается к ней с негодованием — но в окно вдруг прыгает обезьяна.

— Пошла вон! — кричит Варвара. — Брысь!

— Молчи! — останавливает сестру доктор. Он указывает обезьяне на кресло и говорит: — Кануки-кануки! Садитесь, пожалуйста.

Дрожа, обезьяна садится. Она грустно глядит на доктора.

— Это ужасно! — визжит Варвара. — Пришла лечиться, а деньги она тебе заплатит?

Доктор берет сестру за руку и ведет вон из комнаты. У Варвары от негодования отнимается язык. Она только поводит глазами и бешено трясет головой, шпильки так и летят во все стороны.

Доктор выпроваживает сестру и закрывает за ней дверь.

Потом обращается к обезьяне и спрашивает:

— Что у вас болит?

Обезьяна жалобно бормочет что-то и плачет.

— Ах, шея! — говорит доктор. — Сейчас посмотрю!

Он наклоняется к обезьяне. Вскрикивает:

— Но это ужасно! Кто это сделал?

Он бросается к столу, хватается ножницы и бежит обратно к обезьяне. Осторожно перерезает он веревку, которая была туго за-тянута вокруг обезьянней шеи.

— Кто этот безжалостный человек, который водил тебя на веревке? — спрашивает доктор снова.

Обезьяна не отвечает. Она плачет, закрыв руками мордочку.

— Не плачь, — утешает ее доктор. — Видишь эту баночку? Сейчас я помажу тебе шею такой удивительной мазью, что шея сразу перестанет болеть.

Айболит мажет обезьяне шею мазью. Обезьяна перестает плакать.

— Живи у меня, обезьяна, — говорит доктор. — Я не хочу, чтобы тебя обижали.

Зверек с благодарностью хватается доктора за руку. Вдруг раздаются звуки шарманки. Печальный, тягучий вальс гремит под окном.

Первые же звуки этого вальса приводят обезьяну в ужас. Она вспрыгивает на спинку кресла, бросается вниз головой под стол, мечется по стенам.

— Что с тобой? — спрашивает ее изумленный доктор Айболит. — Чего ты испугалась? Это шарманщик зашел во двор со своею шарманкой!

Обезьяна бросается к доктору, обнимает его ноги, хватается его за руки, когда он наклоняется, чтобы поднять ее, прячет голову у него на груди.

— Ах вот в чем дело! — догадывается доктор наконец. — Ты боишься шарманщика?

Обезьяна несколько раз кивает головой.

— Это и есть твой хозяин? — спрашивает доктор.

Обезьяна вновь кивает головой.

— Тот самый, от которого ты убежала? Тот, что водил тебя на веревке?

Обезьяна, цепляясь в отчаянии за плечи доброго доктора, подтверждает и это.

— Не бойся, — говорит доктор. — Я не отдам тебя ему.

Он усаживает обезьяну в кресло и выглядывает в окно. Шарманщик, уса́тый человек огромного роста, свирепого вида, в широкополой шляпе, крутит ручку шарманки. Он все время вертит головой, как будто ищет кого-то. То на крышу посмотрит, то на окна, то оглянется назад. Вдруг из дома вихрем вылетает Варвара.

— Перестаньте сейчас же играть! — визжит она.

Шарманщик, который как раз смотрит пристально на крышу сарая, не замечает Варвары. Вопли шарманки заглушают Варварин голос.

Варвара приходит в неистовство. Шпильки дождем сыплются из ее волос.

— Сейчас Варвара выгонит его! — сообщает доктор обезьяне.

Обезьяна радостно прыгает в кресле.

Доктор снова смотрит в окно.

— Перестаньте! — ревет бешеная Варвара. — Я женщина тихая, я женщина добрая, а ваша гнусавая шарманка превращает меня в настоящую разбойницу!

Шарманщик услышал ее наконец.

Он перестает вертеть ручку своего инструмента.

— Добрая женщина, — говорит он хриплым голосом. — Не пожалуйте ли вы мне что-нибудь за мою игру?

— Нет! — отвечает Варвара свирепо. — Убирайтесь отсюда вон!

Доктор радостно кивает обезьяне.

Обезьяна пляшет.

Доктор снова выглядывает в окно и видит, что шарманщик и не думает уходить. Он стоит посреди двора и поглядывает во все стороны.

— Чего вы ждете? — визжит Варвара. — Вам угодно, чтобы я лопнула от злости?

— Добрая женщина, — гудит шарманщик своим хриплым басом. — Позвольте спросить вас: не забегала ли к вам моя обезьяна?

Прежде чем Варвара успевает ответить, Айболит кричит:

— Здесь нет вашей обезьяны! Уходите немедленно прочь!

Повинуясь повелительному жесту доктора, шарманщик поворачивает было к воротам, но вдруг Варвара останавливает его.

— Стойте, стойте, шарманщик, — говорит она ласковым голосом. — Куда же вы, голубчик! Мой брат поступил нехорошо. Он скрыл от вас правду. Ваша обезьяна здесь.

— Как тебе не стыдно, Варвара! — кричит доктор, но уже поздно.

Шарманщик швыряет свою шарманку на землю и ревет свирепо:

— Кровь и молния! Где она?! Я оторву ей голову!

— Пойдемте, я провожу вас, — ласково приглашает Варвара.

Обезьяна снова в отчаянии мечется по комнате. Доктор Айболит спокойно, с достоинством стоит у стола.

— Не бойся, — успокаивает он обезьяну. — Не бойся, глупенькая.

Дверь с грохотом распахивается, и в комнату врывается шарманщик.

За ним входит улыбающаяся, торжествующая Варвара.

Обезьяна бросается к доктору и прыгает к нему на руки. Доктор ласково гладит ее.

— Вы обманули меня! — кричит шарманщик. — Вот моя обезьяна!

— Нет, эта обезьяна не ваша теперь. Она пришла ко мне и сказала, что не хочет жить у вас. Она останется у меня. Теперь это моя обезьяна. Уходите, — спокойно отвечает доктор.

— Отдавай обезьяну! — орет шарманщик.

— Не отдам! — спокойно возражает доктор. — Я не хочу, чтобы ты мучил ее.

Шарманщик бросается к доктору.

— Авва! — кричит Айболит.

В окно прыгает большая собака и кидается на шарманщика. Шарманщик хватается за стул и, отбиваясь от собаки стулом, бежит к доктору.

— Хрю-хрю! — кричит доктор.

В комнату вбегает небольшая белая свинка и бросается под ноги шарманщику.

Шарманщик падает.

Варвара хватается за свинью за ноги. Шарманщик вскакивает.

— Карудо! — кричит доктор.

Попугай влетает в комнату.

— Бумба! — зовет Айболит.

Сова влетает следом за попугаем.

Они, хлопая крыльями, вертятся у самого лица Варвары, заставляют ее отступить в угол. Утка кричит, вбегая в двери.

— Кика, назад! — приказывает доктор. — Ты тут ничем не можешь помочь! Тебя раздавят!

Кика убегает.

Доктор вместе с Аввой и Хрю-хрю наступают на шарманщика.

Тот не сдаётся. Увертываясь от свиньи, отбиваясь от собаки, он пытается схватить обезьяну.

Но вдруг в дверях показывается крокодил.

На спине его сидит Кика.

— Спасибо, Кика! — кричит доктор. — Ты догадалась позвать крокодила! Ну, злой шарманщик! Уходи! Или мой друг крокодил сейчас же проглотит тебя!

Шарманщик угрюмо оглядывается. Он окружен со всех сторон. Авва грозно рычит на него, Хрю-хрю не сводит с него глаз, крокодил приготовился к нападению, широко открыв свою страшную пасть, сова и попугай хлопают угрожающе крыльями.

Доктор указывает злодею на дверь.

Съевшись, шарманщик уходит.

Варвара, плача от злости, бежит за ним следом.

Звери окружают доктора.

— Спасибо вам! Спасибо, друзья мои, — говорит доктор. — Вы спасли нашего нового товарища от злого хозяина. Знакомьтесь. Эту славную обезьяну зовут Чи-чи.

Звери окружают обезьяну, ласкаются к ней.

А злой шарманщик выходит во двор.

Варвара следом.

Шарманщик поднимает свою шарманку.

Обернувшись, он грозит кулаком окну докторского кабинета.

— Вы совершенно правы, — кричит Варвара шарманщику. — Я женщина тихая, я женщина добрая, а эти звери превратили меня в настоящую разбойницу!

— Не отчаивайтесь! — гудит шарманщик. — Клянусь своими усами, — я избавлю вас от этих зверей. Я отомщу им всем, а доктору в особенности.

— Ах, пожалуйста! Будьте так любезны, сделайте им какую-нибудь гадость! — всхлипывая, просит Варвара. — Я помогу вам!

Поглядывая на дом, шарманщик берет Варвару за руку и отводит ее в угол двора.

— Я вижу, — тихо говорит он, — что они действительно превратили вас в настоящую разбойницу.

— Да! Да! — плачет Варвара.

— Тогда вам, значит, можно довериться. Я тоже настоящий разбойник! Я знаменитый морской разбойник Беналис!

— Да что вы! Как это приятно! — радостно кричит Варвара.

— Тсс! — останавливает ее разбойник. — Мои товарищи ушли на корабле продавать добычу. А я, переодетый шарманщиком, брожу по городу, разведываю, подслушиваю, высматриваю, кого еще можно ограбить. Но никому ни слова об этом!

— Ни-ни! — соглашается Варвара, отчаянно трясая головой.

— Я буду навещать вас, — продолжает разбойник. — До свидания. Вместе мы найдем случай отомстить Айболиту и уничтожить всех его зверей!

— Ура! Ура! Ура! — отвечает Варвара, ликуя.

ЧАСТЬ 2

ТИТР: Каждый день после работы доктор Айболит шел гулять со своими зверями.

По берегу моря не спеша шагает добрый доктор Айболит. На плече у него сидит сова Бумба. Авва, собака, весело бежит впереди. Верхом на Авве едет пополневшая, повеселевшая обезьяна Чи-чи. Попугай Карудо летает взад и вперед над головами друзей. Хрю-хрю бежит рядом с доктором, Кика, переваливаясь, торопится следом. Все звери поют весело:

Шита-рита, тита-дрита!
Шивандаза, шиванда!
Мы родного Айболита
Не покинем никогда!

Вдруг собака Авва останавливается, прислушивается, принимает и с лаем бросается вперед.

Авва подбегает к группе скал, стоящих на берегу, и лает настойчиво, отрывисто, как будто зовет всех: скорей, сюда!

Айболит спешит на ее зов.

Он видит ворота, вделанные в скалу. На воротах висит замок. Авва лает безостановочно, встревоженно.

— Тише, Авва! — приказывает ей Айболит.

Авва замолкает.

— Я понимаю тебя, — говорит ей Айболит озабоченно. — Это действительно очень странно. Здесь в скалах — пещера. Но зачем понадобилось пещеру запирать?

Утка Кика крикает.

— Нет! — возражает ей доктор. — Я не думаю, что там спрятаны каштаны и орехи.

Обезьяна Чи-чи пищит и прыгает, схватившись рукою за замок, висящий в двери.

— Сомневаюсь! — отвечает ей доктор. — Кому нужно прятать тут бананы и апельсины?

Свинья Хрю-хрю хрюкает, глядя на Айболита.

— Глупости! — сердится доктор. — Откуда там могут быть яблоки, пироги и шоколад!

Вдруг сова Бумба, сидящая на плече Айболита, встревожилась, запрыгала, захлопала крыльями.

— Что? — спрашивает ее Айболит.

Сова приближает клюв к самому уху доктора.

— Как? — восклицает удивленный Айболит. — Ты думаешь? Ты уверена? Ты слышишь это? Не может быть!

Звери, заинтересованные, подбегают к доктору. Авва кладет передние лапы на жилет Айболита, Чи-чи хватает его за руку. Хрю-хрю толкает доктора своим пяточком в колено.

— Тише-тише! — останавливает их Айболит. — Тише, не мешайте ей. Бумбе кажется, что там, в пещере, — что-то живое. Человек или зверь.

Авва лает на доктора.

— Напрасно ты не веришь ей, — отвечает доктор Авве. — У всех у вас уши хуже, чем у нее.

Звери шумно выражают свое неудовольствие.

— Хуже, хуже! — настаивает доктор. — Замолчите! Не мешайте ей слушать.

Звери замолкают.

Сова несколько мгновений прислушивается и снова приближает свой клюв к уху доктора Айболита.

— Да быть этого не может! — восклицает доктор. — Там человек? Ты слышишь, как он положил руку в карман?

Сова снова шепчет что-то на ухо доктору.

— Он достал... что? Не слышу... Пятак? Ах, платок! Носовой платок? Зачем?

Голова доктора и совы Бумбы показываются крупным планом. В полной тишине раздается тихий, очень тонкий металлический голосок совы Бумбы.

— Я слышу, — говорит сова Бумба, — я слышу, как у этого человека катится по щеке слеза. Он плачет.

Все звери вскрикивают в ужасе, каждый на своем языке.

— Слеза? — спрашивает Айболит, потрясенный. — Слеза? Неужели там, за дверью, кто-то плачет? Нужно ему помочь. Я не люблю, когда плачут! Нужно найти ключ, пойдите найдите ключ!

Звери разбегаются в разные стороны. Хрю-хрю роется под камнями, утка ныряет в море, собака бежит, пригнувшись, взад и

вперед, обезьяна взобралась на скалу, осматривает там каждую расщелину, каждый уступ. Наконец все они возвращаются к доктору.

— Ключа нет.

— Беги домой, — приказывает доктор собаке Авве, — и принеси мне топор.

Авва со всех ног бросается бежать.

Двор дома доктора Айболита.

Варвара на пороге кухни колет топором толстое полено.

Авва влетает в ворота.

Подбегает к Варваре.

Лает.

— Говори по-человечески, что тебе надо! — спрашивает Варвара свирепо.

Авва лает снова.

— Замолчи! — кричит Варвара. — Не мешай мне!

Авва лает все громче и громче.

— Не превращай меня в разбойницу, — визжит Варвара. — Уймись!

Авва заливается, лает, прыгает перед Варварой, не слушает ее.

— Так вот же тебе, дерзкая! — кричит Варвара и бросает в Авву топором. Авве только этого и надо было. Она хватает топор зубами и вихрем уносится прочь.

Варвара столбом стоит посреди двора. Она потрясает головой. Шпильки так и летят во все стороны.

— Беналис! Беналис! — шипит она. — Когда же ты уничтожишь наконец всех этих негодных зверей!

Доктор Айболит ждет у пещеры.

Авва прибегает и приносит топор.

Доктор хватает топор и принимается рубить деревянные ворота, закрывающие вход в пещеру.

Ворота разлетаются в щепки.

Открывается вход в темную-темную пещеру.

Доктор берет щепку, зажигает ее и дает Авве. Авва берет ее зубами. Вторую горящую щепку берет в зубы Хрю-хрю. Третью несет Чи-чи, четвертую — сам Айболит.

Доктор, сопровождаемый зверями, углубляется в темноту. Стактиты сверкают при свете горящих щепок.

Авва бросается вперед. Доктор и звери за ней. И все они видят: у стены пещеры маленький мальчик, съжившись, сидит на соломе.

Он со страхом глядит на доктора. Слезы бегут по его щекам.

Доктор делает шаг к нему.

Мальчик вскрикивает и в ужасе протягивает вперед обе руки.

— Что ты, что ты, мальчик, — ласково говорит ему доктор Айболит. — Неужели ты, как некоторые глупые дети, боишься докторов?

Ласковый голос Айболита успокаивает мальчика.

— Нет, я не боюсь докторов, — отвечает он. — А вы разве доктор?

— Доктор! — говорит Айболит.

— А вы не морской разбойник?

— Нет, нет, — отвечает доктор, добродушно смеясь. — Я доктор Айболит. Разве я похож на морского разбойника?

— Нет, нет, — говорит мальчик. — Хоть вы и с топором, но я вас не боюсь. Здравствуйте. Меня зовут Пента. Не знаете ли вы, где мой отец?

— Выйдем из пещеры, — говорит доктор Айболит, — здесь очень сыро. Ты можешь простудиться. Идем!

Авва, Хрю-хрю и Чи-чи бегут впереди с горящими щепками и освещают путь.

Доктор и Пента идут следом.

Они выходят на берег моря. Пента щурится от яркого солнечного света. Авва, Хрю-хрю, Чи-чи и доктор бросают горящие щепки. Доктор затаптывает их ногами.

Затем он усаживает мальчика на камень, сам садится напротив. Животные окружают их.

— Ну, — говорит доктор Айболит. — Расскажи нам, что с тобой случилось, как ты попал в эту пещеру, почему ты плакал. Мы постараемся помочь тебе.

— Хорошо, я расскажу вам все, — соглашается Пента. — Слушайте. Мой отец — рыбак. Несколько дней назад мы выехали в море ловить рыбу. Я и отец, вдвоем, в рыбацкой лодке. Вдруг на нашу лодку напали морские разбойники и взяли нас в плен. Их предводитель, усатый, страшный, по имени Беналис...

— Как? — переспрашивает доктор.

— Беналис, — повторяет мальчик. — Беналис захотел, чтобы отец тоже стал пиратом, чтобы он грабил и топил корабли. Но отец не захотел стать пиратом. «Я честный рыбак и не желаю разбойничать», — сказал он. Тогда пираты страшно рассердились, схватили отца и увели неизвестно куда, а меня высадили на берег и заперли в этой пещере. С тех пор я не видел отца. Где он? Что они сделали с ним? Должно быть, они бросили его в море.

Закончив свой рассказ, Пента снова раздражается слезами.

— Не плачь! — утешает мальчика Айболит. — Плакать не нужно. Что толку в слезах? Лучше подумаем, как бы нам найти твоего отца. Скажи мне, каков он собой?

Всхлипывая, Пента отвечает:

— У него рыжие волосы и рыжая борода, очень длинная.

— Ага, так... — бормочет доктор Айболит и задумывается.

— Кика! — говорит он наконец.

Утка подбегает к доктору.

Доктор берет ее на руки.

— Чари-бари, — говорит он ей отдельно и внушительно.

— Кря-кря! — отвечает утка.

— Чава-чам! — продолжает Айболит.

— Кря-кря!

— Чука-чук! — заканчивает доктор повелительно и опускает утку на землю.

Утка бежит к морю и плывет прочь от берега, торопясь изо всех сил.

— Как смешно вы говорили с ней, — удивляется маленький Пента, — я не понял ни слова.

— Я часто разговариваю со своими зверями по-звериному, — объясняет добрый доктор Айболит. — Они понимают по-человечески, но в таких важных делах лучше говорить с ними на их языке.

— Что же вы сказали вашей утке? — спрашивает мальчик.

— Смотри, — говорит доктор, показывая на море.

И мальчик видит: утка, пока он разговаривал с доктором, заплывла довольно далеко.

Она покачивается на волнах и от времени до времени ныряет в воду, задрав кверху хвост.

— Вы ей велели кувыркаться? — спрашивает Пента, недоумевая.

— Смотри, — приказывает опять доктор вместо ответа.

И Пента видит — что-то черное вынырнуло из воды около утки и снова рухнуло в воду. Еще. Еще.

Целое стадо дельфинов прыгает и ныряет вокруг утки Кики.

— Я сказал ей, — говорит доктор Пенте, — чтобы она позвала дельфинов.

— Зачем? — спрашивает Пента.

— Дельфины носятся по морю взад и вперед, ныряют до самого дна и снова поднимаются наверх. Они знают все морские новости. Коли твой отец утонул, то им уже это, конечно, известно.

— Ой, — говорит Пента. — Скорей бы вернулась она обратно. — Утка! Утка!

Кика, по-видимому услышав зов мальчика, поворачивает и мчится к берегу.

Пента бросается к воде, хватая утку, спрашивает ее:

— Ну что? Ну — что?

— Кря-кря! — отвечает утка.

— Не понимаю, — чуть не плача, говорит Пента.

— Погоди, мальчик, — останавливает его доктор. — Дай мне спросить.

Он берет утку на руки и спрашивает нетерпеливо:

— Чари-бари-чав-чам?

Утка крякает в ответ ему.

— Мне неинтересно, что краб подрался с морским котом! — сердится Айболит. — Говори, что дельфины сказали об отце Пенты.

Утка снова весело крякает.

— И это мне неинтересно! — кричит доктор сердито. — Акула-Каракула простудилась и кашляет! Пусть себе кашляет, я не стану лечить ее. Она злая! Видели эти сплетники отца Пенты? Говори наконец!

Утка крякает, отвечает.

Лицо доктора просветлело.

— Ну, мальчик, — говорит он Пенте, — я рад за тебя. На дне моря нет рыжего рыбака с длинной рыжей бородой. Значит, твой отец жив!

Мальчик хохочет, прыгает от радости.

Но вдруг лицо его делается снова печальным.

— А где же он, если его нет в море? — спрашивает мальчик грустно.

— Если его нет в море, значит, он на суше, — отвечает доктор.

— А как мы его найдем? — спрашивает мальчик.

— Об этом надо подумать! — отвечает доктор.

И он приказывает зверям:

— Думайте!

И вот все глубоко задумываются, озабоченно расхаживая взад и вперед по берегу моря. Доктор расхаживает у самой воды. Обезьяна Чи-чи шагает за ним по пятам, в точности повторяя его движения. Доктор что-то пробормочет вполголоса — Чи-чи тоже. Доктор остановится и щелкнет пальцами — обезьяна тоже. Доктор в нетерпении — его раздражает трудность задачи — вдруг стукнет себя по лбу кулаком — и Чи-чи за ним.

Возле скал бегают взад и вперед собака Авва и свинка Хрю-хрю.

Утка Кика озабоченно плавает взад и вперед по воде.

Мальчик с надеждою смотрит на них. Шепчет:

— Думайте! Думайте скорей!

Но вот наконец собака Авва находит какое-то решение.

Она подбегает к доктору и лает.

К удивлению Пенты, доктор лает ей в ответ, отвечает ей на

чисто собачьем языке. Лай его носит несколько вопросительный характер. Доктор как будто не очень уверен в правильности решения, предлагаемого Аввой.

Авва лает, настаивает на своем.

Доктор, еще несколько раз коротко пролаяв и получив ответ Аввы, подходит к Пенте.

Звери подбегают к ним.

— Авва уверяет, что она может найти твоего отца, — сообщает доктор мальчику.

— Как? — спрашивает Пента.

— По запаху, — отвечает доктор. — Ведь ты знаешь, что у собак замечательное чутье. Как бы далеко ни был твой отец — собака найдет его по запаху.

Хрю-хрю насмешливо хрюкает.

Доктор останавливает ее.

— Не смей называть Авву хвастуньей, — говорит он. — Если она найдет отца Пенты, тебе самой будет стыдно. Пента! Есть ли у тебя какая-нибудь вещь, которую держал в руках твой отец?

— Вот, — отвечает мальчик и достает из кармана большой носовой платок. Доктор протягивает платок Авве. Авва жадно его нюхает. Потом лает.

— Пахнет табаком и селедкой, — переводит доктор ее лай. — Авва говорит, что твой отец курил трубку и ел хорошую голландскую селедку. Это хорошо, — говорит она.

Авва бросается бежать.

Все за ней.

Авва подымается на вершину высокого холма и останавливается.

Доктор, Пента и звери окружают ее.

Авва принюхивается.

Она начинает тихонько скулить.

Музыка.

Очертания зверей, Аввы, Пенты, доктора делаются расплывчатыми, почти исчезают.

И зрители видят то, что чутьем чует Авва.

Слышен голос доктора. Он говорит негромко, под музыку, объясняя Пенте все, что, скуля, сообщает ему Авва.

— Ветер дует с севера, — говорит доктор. — Авва чует запах больших-больших дремучих лесов.

И перед зрителями разворачиваются большие дремучие леса, тайга.

— Пахнет белками, — говорит доктор.

И зрители видят, как белка прыгает по соснам.

— Пахнет медведем.

Медведь пробирается между кустами.

— Леса исчезли, — говорит доктор. — Пахнет холодной соленой водой. Пахнет смолой, канатами, рыбой. Рыбаки плывут по северному морю.

Теперь море видят зрители, видят рыбацкие суда с белыми парусами, сети, рыбаков у сетей.

— И это исчезло, — продолжает Айболит. — Пахнет только снегом, снегом и льдом, льдом. Ничего живого вокруг. Ах нет! Морж поднял из воды свою голову. Белый медведь стоит на скале. А дальше опять снег, лед, лед и снег.

Зрители видят все, о чем говорит доктор. Музыка затихает, но не прекращается. Авва и все вокруг нее видны теперь ясно.

— На севере нет твоего отца, — говорит Айболит. — К счастью, ветер меняется. Ну, Авва? Что ты скажешь теперь?

Авва поворачивается к югу. Тихо скулит.

Музыка снова делается слышней, и снова расплываются очертания действующих лиц.

— Ветер с юга, — говорит доктор. — Авва слышит запах винограда...

Большие виноградники проплывают мимо зрителей.

— Она чует запах персиков, груш, слив, — говорит доктор.

За виноградниками идут сады. Деревья стоят, опустив ветки под тяжестью плодов.

— Пахнет высокими-высокими, тонкими-тонкими деревьями без веток. Пахнет большими листьями, которые свисают с верхушек этих высоких и тонких деревьев. Это Авва говорит о пальмах, — объясняет Айболит.

И зрители видят пальмовые рощи.

— Обезьяны! Она чует обезьян! — восклицает доктор.

Видно, как радостно взволновалась смутно видимая на экране Чи-чи.

— По пальмам прыгают, носятся обезьяны.

— Пахнет горячим-горячим песком, — рассказывает доктор дальше.

Пальмы уходят. Перед зрителями — пустынные песчаные холмы, залитые ярким солнечным светом.

— Не бойся, Авва! Не бойся! Ведь он далеко. Она почуяла... — говорит доктор.

Лев огромными прыжками взлетает на вершину холма. Останавливается. Поводит своей огромной башкой.

— Успокойся, Авва, успокойся, он не тронет тебя, он далеко, — повторяет доктор.

Пустыня, холмы, лев — все это заволакивается туманом, расплывается, тает. Затихает музыка.

Доктор гладит, успокаивает Авву. Авва рычит встревоженно. Шерсть на ее спине стоит дыбом.

— Успокойся. Смотри. Ветер подул с моря, с запада. Нет ли там нашего рыбака? А ну-ка! Ищи.

Авва поворачивается мордой к западу. Музыка становится слышнее. Морские волны проносятся перед зрителем. И вдруг Авва раздражается лаем.

— Он там! Он там! — кричит доктор. — Ветер пахнет табаком и селедкой! Отец Пенты там, за морем! Авва почуяла его!

Музыка обрывается.

Доктор бежит вниз с холма. Звери и Пента за ним.

— Куда вы? — спрашивает Пента на бегу.

— В гавань! — отвечает доктор.

— Зачем?

— К моряку Робинзону!

Мол.

У мола стоит большой парусник.

Бородатый длинноволосый человек в грубой меховой одежде задумчиво ходит взад и вперед по палубе парусника.

Доктор вбегает по сходням на корабль. Все звери и Пента за ним.

— Робинзон! — кричит Айболит. — Нужно немедленно отправляться в путь!

— Куда? — спрашивает спокойно Робинзон.

— Надо спасти отца этого мальчика.

— Ладно! — коротко отвечает Робинзон.

Не спеша поднимается он на капитанский мостик. Опирается руками на перила — и вдруг раздражается ревом, поражающим после негромких его разговоров с доктором.

— Свистать всех наверх! — ревет Робинзон. — Отдай концы! Подымай паруса!

Открытое море.

Корабль Робинзона летит на всех парусах.

Авва стоит на носу корабля.

У штурвала — Робинзон.

Возле — доктор Айболит, окруженный друзьями.

Авва коротко лает, обернувшись к капитанскому мостику.

— Есть два румба вправо, — отвечает Робинзон Авве и поворачивает колесо штурвала.

Доктор Айболит взглядывает на рею, восклицает вдруг:

— Как это кстати! Чайка! Чайка! Поди-ка сюда на минутку.

Чайка слетает вниз.

— Чайка! — говорит доктор Айболит. — Будь так добра, отнеси письмо сестре моей Варваре.

Чайка кивает головою в знак согласия.

Доктор Айболит достает из бокового кармана письмо.

— Лети скорее! — просит доктор. — А то Варвара будет ждать меня к ужину и злиться.

Чайка берет письмо в клюв и улетает.

Авва снова лает коротко, обернувшись к Робинзону.

— Есть еще два румба вправо! — отвечает капитан и поворачивает колесо штурвала.

Корабль летит на всех парусах по волнам.

Двор дома доктора Айболита.

Варвара шагает большими шагами по двору.

— Они опоздали к ужину на целых четыре минуты, — ворчит Варвара свирепо. — Есть от чего сойти с ума! Он опять, конечно, лечит какую-нибудь тварь совершенно бесплатно! Ужасный человек!

Вдруг чайка показывается в небе.

Она спускается, пронесется над самой головой Варвары, роняет к ее ногам письмо, вновь взлетает в небо и уносится прочь.

Варвара распечатывает письмо, читает его и радостно вскрикивает:

— Это хорошо! Это очень хорошо.

Она бросается в дом и через миг вылетает обратно, надевая на ходу шляпку, натягивая длинные черные перчатки.

Глухое ущелье в горах.

По ущелью пробирается Варвара, крадучись, озираясь, прячась со всеми приемами настоящей разбойницы.

Вот она поравнялась с густо разросшимся высоким кустарни-

ком. Оглянулась. И, засунув два пальца в рот, свистнула разбойничьим посвистом.

Издали-издали ей отвечает шарманка. Она играет три такта вальса — того вальса, что раздавался недавно под окнами доктора Айболита.

Варвара свистит вторично. И снова шарманка отвечает ей вальсом, он звучит теперь ближе.

Третий раз свистит Варвара. Раздается треск веток, шум шагов, и из высоких кустов показывается усатый шарманщик, он же разбойник Беналис.

Разбойник здоровается с Варварой.

— Что слышно, кровь и гром? — спрашивает он хриплым своим басом.

— Прекрасные новости, смерть и молния! — пищит Варвара.

— Какие? — спрашивает Беналис.

— Читай! — отвечает Варвара и протягивает разбойнику письмо доктора.

Разбойник достает из бокового кармана огромные круглые очки в черной оправе и, надев их на нос, читает:

— «Дорогая Варвара! Мы едем на корабле Робинзона искать отца одного мальчишка по имени Пента. Его похитил разбойник Беналис. Не жди нас к ужину. Не обижай, пожалуйста, крокодила. Целую тебя. Твой брат, добрый доктор Айболит».

Прочитав письмо, разбойник рвет его в клочки и швыряет на землю.

— Это значит, что он открыл мою пещеру! — ревет Беналис. — Ну ладно! По крайней мере десять дней пройдет, пока он разыщет отца Пенты. Тем временем вернется мой корабль, мы выйдем навстречу доктору, его возьмем в плен, а всех его зверей — утопим, утопим, утопим!

— Ура! Ура! Ура! — отвечает Варвара, ликуя.

ЧАСТЬ 3

ТИТР: На другой день в два часа дня.

Корабль капитана Робинзона.

Авва по-прежнему стоит на носу корабля. Доктор Айболит, озабоченный, беседует с Робинзоном.

— Авва говорит, что отец Пенты где-то совсем близко!

— Не понимаю, — бормочет капитан. — Земли не видно!

— Но Авва уверяет, что явственно чует запах табака и селедки! — настаивает доктор.

Хрю-хрю насмешливо хрюкает.

— Не понимаю, — бормочет капитан. — Земли не видать.

Пента всхлипывает.

— Чи-чи! — говорит доктор Айболит. — Возьми это!

И доктор дает обезьяне большую подозрную трубу. Обезьяна хватает трубу и вопросительно глядит на доктора.

— Поднимись на мачту, — командует доктор, — и погляди, не видно ли земли.

Обезьяна бросается к мачте. Держа трубу в одной руке, она при помощи трех остальных взбирается на верхушку мачты.

Усевшись там, она оглядывает море в подозрную трубу.

Вдруг обезьяна взвизгивает и соскальзывает с мачты вниз. Взлетев на капитанский мостик, она взбирается к Айболиту на плечи и приставляет к его глазам трубу.

И доктор видит: далеко в море чернеет маленький скалистый островок.

Сияя, доктор протягивает трубу Робинзону.

Робинзон глядит в трубу один миг.

Потом говорит негромко:

— Ладно!

И раздражается ревом:

— Свистать всех наверх! Земля на бакборте! Убрать паруса!

Авва громко лает.

Корабль Робинзона причаливает к островку. Авва первая прыгает на берег. За нею Пента. За Пентою доктор. За доктором звери, за ними Робинзон. Они все бегут за Аввой.

Авва мчится к дереву, что растет посреди островка.

Под деревом лежит, спит бородатый человек.

— Папа! Папа! — кричит Пента.

Бородатый человек просыпается, вскакивает и бросается обнимать и целовать сына.

Гремит веселая музыка.

Звери пляшут, прыгают, режут, визжат, кричат от радости.

Добрый доктор Айболит хохочет и пожимает руку отцу Пенты. Сдержанный Робинзон утратил свою обычную сдержанность и радуется, прыгает вместе со всеми...

Авва скромно сидит в стороне. Вдруг Пента вспоминает о ней.

— Это она, Авва, нашла тебя! — кричит Пента и тащит отца к собаке.

Отец Пенты протягивает Авве руку.

Авва подает ему лапу.

Все, окружая их, поют под музыку:

Честь тебе и слава,
Дорогая Авва,
Дорогая Авва,
Честь тебе и слава.

Авва сконфужена. Она закрывает морду лапами.

А хор гремит:

Дорогая Авва!
Честь тебе и слава.
Честь тебе и слава,
Дорогая Авва!

Когда все немного поуспокоились, доктор укоризненно говорит свинье:

— Вот видишь, Хрю-хрю! А ты говорила, что Авва — хвастунья... Ай-ай-ай!

Свинья, отвернувшись, виновато хрюкает.

— То-то! — говорит ей доктор. — Ну а теперь скорее на корабль! Нужно отвезти домой Пенту и его отца.

— Да, пожалуйста, — просит Пента. — Мама, наверное, ходит по берегу моря, ждет нас и плачет, и плачет...

— Идем! — приказывает доктор.

— Ладно, — спокойно соглашается Робинзон.

Они идут к кораблю, но вдруг раздается шум крыльев. Все взглядывают вверх — и видят: большая стая журавлей летает, кружится над островком.

— Вы ко мне? — кричит доктор.

Один из журавлей опускается на островок у самых ног Айболита. Кланяясь, переступая с ноги на ногу и шелкая клювом, он просит о чем-то доктора.

— Как же быть? — растерянно говорит доктор, выслушав журавля. — Мне надо немедленно возвращаться домой. Маленькие журавлята заболели ангиной. Надо их скорее вылечить. А если мы поедем сначала домой — мама Пенты будет плакать еще лишний день. Ах! Я придумал, что надо делать! Несите сюда скорее веревки и подушку!

Звери бросаются выполнять приказание доктора.

Авва тащит ему подушку. Чи-чи — веревки.

Доктор привязывает по одной веревке к каждому углу подушки.

Потом кричит журавлям:

— Вы понесете меня домой по воздуху. Хватайте клювами все четыре веревки!

Сказав это, доктор Айболит садится на подушку.

И журавли поднимают его в воздух.

Звери огорчены. Они жалобно воют, пищат, кричат.

— Ничего! Ничего! — кричит доктор, улетая, и машет им рукой.

— Когда вы привезете их домой, Робинзон?

— Завтра вечером! — отвечает тот.

— Смотрите не опоздайте, — раздается уже издали голос доктора.

— Ладно! — отвечает Робинзон коротко.

Доктор Айболит исчезает в небе.

Двор дома доктора Айболита.

Варвара хлещет зонтиком крокодила, выгоняет его.

— Вон! Вон! — кричит она. — Довольно! Довольно! Теперь я хозяйка! Довольно ты пожил у нас совершенно бесплатно. Ступай, ступай!

Крокодил плачет.

— Ничего, ничего! — свирепствует Варвара.

Шпильки так и летят у нее из головы.

— Довольно! Ты думаешь, доктор вернется?

Крокодил шелкает зубами.

— Как же! Жди! Вот так он и свалится сейчас с неба.

И точно в ответ на эти слова с неба, сидя на подушке, спускается доктор Айболит. Варвара взвизгивает. Крокодил радостно шелкает зубами.

— Оставь в покое крокодила, Варвара! — приказывает доктор и бежит в дом. Через миг он выбегает оттуда с сумкой в руках.

— А где все остальные?

— Они повезли Пенту и его отца к ним домой. Завтра вечером они вернутся. Я бегу лечить журавлят. Не смей без меня обижать крокодила.

Сказав это, доктор убегает.

Варвара сначала стоит неподвижно.

Потом бежит в дом, надевает шляпу, перчатки.

Бормочет:

— Вернутся завтра? Как же! Жди! Мы этого не допустим! Никогда! Кровь и молния! Гром и смерть!

ТИТР: На другой день к вечеру.

Высокий маяк стоит на берегу моря.

К маяку подходит доктор Айболит. Он кричит, подняв голову вверх:

— Сторож! Джамбо! Где вы?

Дверь маяка открывается, и оттуда выходит старый седой негр Джамбо.

— А, доктор Айболит! Как я рад видеть вас! Заходите! Поговорите с моей канарейкой, а то она все скучает и капризничает, — говорит Джамбо.

— А это потому, что вы избаловали ее, Джамбо, — говорит доктор. — Я зайду к ней в другой раз. А теперь я к вам по другому делу. В порядке ли у вас на маяке лампы?

— О доктор! — восклицает Джамбо. — Конечно, у меня все в порядке! Ведь если хоть раз не загорятся на верхушке моего маяка лампы, то корабли, проходящие вечером и ночью, разобьются в темноте о камни и потонут.

— Вот поэтому я и приехал к вам, — говорит Айболит. — Будьте так добры, зажгите сегодня свою лампу поярче. Сегодня на корабле капитана Робинзона приедут мои лучшие друзья, все мои звери. Я очень скучаю без них и все время беспокоюсь.

— Ладно! — отвечает Джамбо. — Все будет в порядке!
— До свиданья, Джамбо! — говорит Айболит.
— До свиданья, добрый доктор Айболит, — говорит Джамбо.
Доктор уходит.
Джамбо скрывается в маяке.

И сейчас же из-за одной стороны маяка выглядывает голова Варвары, а из-за другой — голова Беналиса.

— Хоть корабль мой и не вернулся... — шипит Беналис.
— Но дела наши блестящи, — шипит Варвара.
— Звери погибнут! — гудит Беналис.
— Никто не спасется! — ликует Варвара.

Заметно стемнело.

На молу уже зажглись фонари.

Под одним из фонарей, глядя в даль, стоит встревоженный доктор Айболит.

— Что это значит? — бормочет он. — Что случилось? Почему на маяке не зажглись огни? Надо побежать туда. Надо узнать, в чем дело! Корабль Робинзона разобьется о скалы!

Доктор бросается бежать.

Вот и маяк.

— Джамбо! Джамбо! — кричит доктор.

Ответа нет.

— Джамбо! Где же ты!

Тишина.

Доктор дергает за ручку двери, ведущей в маяк.

Дверь заперта.

Доктор пробует выломать дверь плечом. Это ему не удается.

Тогда он хватает с земли большой камень, ударяет о дверь раз, другой, третий, и дверь наконец поддается. Доктор распаивает ее и мчится наверх по винтовой лестнице, освещая себе путь карманым электрическим фонариком.

На одном из поворотов лестницы Айболит вдруг спотыкается обо что-то и чуть не падает.

И фонарик освещает связанного по рукам и ногам лежащего на ступеньках Джамбо.

Потрясенный доктор выхватывает из кармана нож и перерезает веревки, связывающие несчастного негра.

— Джамбо! — кричит доктор. — Кто связал тебя? Джамбо!

Негр молчит.

— Он в обмороке, — говорит доктор и бежит дальше. — Мне некогда приводить его в чувство. Надо скорее, скорее зажечь лампы. Иначе все погибнут.

Вот наконец и верхняя площадка маяка.

Доктор бросается к лампам и начинает шарить у себя по карманам. Вдруг он кричит не своим голосом:

— Что мне делать! Что мне делать! Я забыл дома спички! Как же я теперь зажгу лампы!

Доктор бросается вниз и обшаривает карманы Джамбы.

И тут нет спичек.

Доктор бежит в комнату негра.

Клетка с канарейкой стоит там на столе.

— Кинзол! Мелифон! Кинзол! Где спички! Скажи мне скорей, где спички! — кричит ей доктор.

— Чик-чирик, — отвечает канарейка тончайшим голоском. — Накройте мою клетку платочком. Сквозит! Чик-чирик.

— Где спички, я тебя спрашиваю!

— Я такая нежная, я обязательно простужусь, накройте клетку! — повторяет канарейка.

— Ах ты, избалованная птица! — ревет доктор. — Из-за тебя может погибнуть целый корабль! Говори, где спички, или я тебя брошу в море.

— Не кричите на меня, а то я оглохну и не буду больше петь! Спички на окошке. Накройте меня платочком, — пищит птица.

Доктор хватается с окна спички и, не обращая внимания на крики канарейки: «Да накройте же мою клетку, грубиян», — бежит прочь.

Вот он на верхней площадке.

Он зажигает огромные лампы маяка.

Вспыхивает ослепительный свет.

Доктор взглядывает на море — и хватается за голову.

Слишком поздно!

Он видит: корабль тонет у подводных скал.

Доктор бросается вниз.

Негр Джамбо уже пришел в себя. Он стоит, покачиваясь, на ступеньках.

— Кто связал тебя? — спрашивает доктор.

— Разбойник Беналис, — отвечает Джамбо.

Доктор бежит дальше, освещая себе путь карманным фонариком. Он видит вдруг — две фигуры на берегу.

— Варвара! — узнает доктор. — Шарманщик!

— Я тебе не шарманщик, я разбойник Беналис, — хохочет тот. — Ну что, добрый доктор? Где теперь твоя обезьяна? Где все твои звери?

— Ура! Ура! Утонули! — ликует Варвара.

Вдруг раздается знакомый лай. Варвара взвизгивает в ужасе.

— Авва! Авва! — кричит доктор — и к нему на грудь с радостным визгом бросается собака. За нею Чи-чи. За Чи-чи — Хрю-хрю. И утка Кика, переваливаясь, спешит к доктору, и сова Бумба взлетает к нему на плечо.

Шарманщик, он же Беналис, пробует бежать, но Авва хватается за полы плаща. Раздается топот многих ног. Прибегает Робинзон и его матросы. В руках у них факелы.

Беналис схвачен и Варвара тоже.

— Но корабль! Корабль! Я сам видел, как разбился корабль! — восклицает доктор Айболит.

— Это не наш корабль разбился, — спокойно объясняет Робинзон.

— А чей же? — спрашивает доктор.

— Разбойника Беналиса.

Беналис крикает.

— Но никто не утонул, — продолжает Робинзон, — я подобрал всех пиратов и запер их в трюме своего корабля. Только атамана не хватало. Но и его мы сейчас запрем туда же. И Варвару тоже. Я отвезу их всех на необитаемый остров.

— Но вы-то, как вы в темноте не наскочили на камни? — кричит Айболит.

— Вы забыли про сову Бумбу! — отвечает Робинзон. — Она прекрасно видит в темноте! Когда стемнело, я посадил ее на нос корабля, и она закричала, когда увидела камни.

Доктор целует Бумбу.

Гремит веселая музыка.

Доктор Айболит дома. Белые мыши выглядывают из сундука. Белка прыгает на дверце шкафа. Еж бегает по дивану. Остальные звери пляшут вокруг Айболита и поют:

Шита-рита, тита-дрита!
Шивандаза, шиванда!
Мы родного Айболита
Не покинем никогда.
Шивандары, шивандары,
Фундуклей и дундуклей!

Хорошо, что нет Варвары,
Без Варвары веселей!
Шита-рита, тита-дрита!
Шивандаза, шиванда!
Мы родного Айболита
Не покинем никогда!

К концу песни Чи-чи подымает с пола большую букву «Е». Ава берет в зубы букву «Ц». Хрю-хрю тащит букву «К». Айболит берет со стола букву «Н». Сова Бумба взлетает в воздух, надев на шею букву «О». Затем все выстраиваются так, что Айболит оказывается посередине. Остальные становятся по двое — справа от него и слева. А буквы, которые они держат, составляют слово:

Конец

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Крутые черепичные крыши. Трубы в железных колпаках, как в рыцарских шлемах.

На высоких шпилях флюгеры в виде петухов, драконов, единорогов.

Флюгеры крупным планом.

— Северный ветер, — поет петушиным голосом флюгер-петух.

— Северный ветер, — визжит единорог.

— Северный, северный, северный ветер, — кричат все три головы дракона, дрова на тонком шпиле.

Начинает падать легкий сухой снег.

Вьется по ветру.

Одна из крыш крупным планом.

Из-за трубы выходит крошечный старичок с бородой до колен. Он натягивает поглубже свой остроконечный вязаный колпачок и отправляется в путь по гребню крыши, шагая спокойно, как по полу.

Он проходит мимо высокого шпиля, на котором стоит флюгер-петух.

Петух при виде старичка почтительно кланяется ему.

— Здравствуйте, господин Домовой! Северный ветер! — поет он тоненько.

— Здравствуйте, петушок-дружище! — отвечает крошечный старичок глубоким басом, можно даже сказать — октавой. — Давно задул северный?

— Со вчерашнего вечера, господин Домовой, — поет флюгер.

— Это к морозам, — озабоченно басит старичок. — Худо придется моим соседям, которые как домовые квартируют на чердаке. Надо будет завтра слетать к лешему, попросить у него дров взаимы.

Старичок садится на корточки и, как со снежной горы, съезжает с верхушки крыши вниз по желобу. Здесь окна чердачных жильцов.

Домовой бежит рысцой вдоль желоба мимо окон. Добегает до крайнего из них. Прыгает легко, как кошка, на карниз и пробует заглянуть в окно.

— Ничего не видно, — басит он с досадой. — Все стекла покрылись ледяными узорами и цветами.

— Это оттого, что Снежная королева взглянула на них сегодня ночью, пролетая мимо, — поет издали жестяной петух.

— Она здесь? — восклицает старичок. — Ну, быть беде!

— Почему-у? — кричит петух.

Мячиком взлетает старичок наверх на гребень крыши. Бежит по гребню до шпиля с флюгером. Прыгает петуху на спину. Садится на него верхом.

— Быть беде, — басит старичок. — Ох, быть беде, петушок, дружище. Мой любимец студент Ганс Христиан, который сочиняет такие славные сказки, вырастил среди зимы удивительный розовый куст. Розы на нем цветут и не отцветают, пока люди, владеющие чудесным кустом, живут дружно. Ганс Христиан подарил этот розовый куст своим соседям: девочке Герде, мальчику Кею и их бабушке. Ведь во всем доме нет людей дружнее. И если Снежная королева проведает об этом, быть беде, ох, быть беде!

— Почему-у? — кричит петух.

— Она не простит моему славному сказочнику, что он среди зимы вырастил цветы. Она или украдет розы, или поссорит Бабушку, Герду и Кея, и цветы завянут. Ах, Снежная королева уже, наверное, проведала обо всем! Ведь она заглянула к ним в окна!

Старичок снова слетает вниз, мчится к крайнему окошку, прыгает на карниз и старательно ищет незамерзшего местечка на стекле. Наконец ему удается заглянуть в комнату.

И мы вместе с Домовым видим в рамке из ледяных цветов и узоров довольно просторную, очень уютную и чистую комнату.

В очаге пылает огонь.

Над огнем висит большой медный чайник.

Стол накрыт к чаю на три прибора.

Большой пышный цветущий розовый куст стоит в деревянной кадке у стены.

Под кустом сидят мальчик и девочка, взявшись за руки.

Домовой принакает ухом к стеклу. Слышит: два детских голоса поют негромко, мечтательно:

— Снип-снап-снурре...

— Пурре-базелюрре!

— Снип-снап-снурре...

— Пурре-базелюрре!

— Пока все благополучно, — бормочет Домовой. — Посмотрим, что-то дальше будет...

Пение детей становится яснее.

Перед нами та самая комната, которую видел Домовой через замерзшее стекло.

Девочка и мальчик. Герда и Кей поют задумавшись. Вдруг мальчик вскакивает. Подбегает к двери. Прислушивается.

— Ступеньки скрипят, — сообщает он радостно.

— Бабушка идет! — восклицает девочка.

— Давай напугаем ее! Давай спрячемся! — предлагает Кей шепотом.

Герда радостно соглашается.

Дети прячутся под стол.

Раздается стук в дверь.

Дети молчат.

Стук повторяется.

Дети хихикают тихонько.

Дверь медленно открывается, и в комнату входит высокий пожилой человек в цилиндре. На его плечи накинута шинель с меховым воротником.

Лицо этого человека бледно, сурово, неподвижно.

Важно и медленно идет он по комнате, оглядываясь.

Вдруг Кей вылетает из-под стола с криком: «Гав-гав!»

За ним прыгает на четвереньках Герда, крича: «Бу-бу!» Незнакомец, не теряя важного и сурового выражения лица, высоко подпрыгивает от неожиданности.

Дети, увидев чужого человека, замирают в ужасе.

— Невоспитанные дети, — восклицает незнакомец. — Что это за бессмысленный поступок? Я вас спрашиваю, невоспитанные дети.

— Простите, но мы воспитанные, — отвечает Кей.

— Мы очень, очень воспитанные, — поддерживает его Герда.

— Здравствуйте! Садитесь, пожалуйста.

— Воспитанные дети, — отчеканивает незнакомец, — А — не бегают да четвереньках; В — не кричат «бу-бу»; С — не вопят «гав-гав» и наконец, D — не бросаются на незнакомых людей.

— Но мы думали, что вы наша бабушка, — оправдывается Герда.

— Вздор! Я вовсе не ваша бабушка! — обрывает ее незнакомец.

И, повернувшись спиной к детям, он своей важной, медленной поступью направляется к цветам. — Действительно ли это живые розы? — ворчит он, наклоняясь над кустом. — А — они издают запахи, свойственный этому растению; В — обладают соответствующим

шей окраской. И наконец, С — растут из подобающей почвы. Живые цветы среди зимы! Какое безобразие!

Дети крупным планом.

Герда шепчет Кею:

— Кей, честное слово, это злой волшебник. Давай убежим.

— Волшебники вроде собак, Герда. Они бросаются как раз на тех, кто их боится. Стой, не двигайся. Улыбайся.

Дети стоят неподвижно, изо всех сил стараясь улыбаться.

Незнакомец оборачивается.

Видит напряженно улыбающихся ребят.

— Что это значит? — восклицает он.

— Ни... ничего, — отвечает Кей, старательно скаля зубы.

— Вы строите мне рожи, невоспитанные дети? — шипит незнакомец.

Он делает шаг вперед.

Герда и Кей в страхе бросаются к дверям, но дверь распахивается, и дети попадают прямо в объятия Бабушки.

— Соскучились? — спрашивает, сияя и обнимая ребят, Бабушка — чистенькая, беленькая, румяная, живая старушка.

— Смотри, кто к нам забрался, — шепчет Герда. Показывает глазами на зловещего незнакомца.

Бабушка отстраняет детей.

Вежливо приседает гостю. Тот хмуро кивает в ответ.

— Я к вам по делу, хозяйка, — заявляет он. — Вы знаете, кто я?

— Не имею чести, — отвечает Бабушка с поклоном.

— Так знайте же, — отчеканивает незнакомец. — Я богатый человек, хозяйка, очень богатый человек. Сам король знает, как я богат, — он дал мне за это звание Коммерции Советника. Вы видели большие фургоны с надписью «лед»? Видели, хозяйка? Лед, ледники, холодильники, подвалы, набитые льдом, — все это мое, хозяйка. Лед сделал меня богачом. Главный Бухгалтер!

В дверях появляется человек в больших очках, лысый, маленький, с большими счетами под мышкой. Он дрожит от холода, дышит на ладони, топчет ногами, стараясь согреться.

— Покажите этой доброй старушке самую ничтожную долю моего богатства, — приказывает Советник.

— Слушаюсь-с, господин Коммерции Советник! — отвечает Бухгалтер сиплым голосом.

Он берет счета. Пробует подсчитать с их помощью самую ничтожную долю богатства господина Коммерции Советника, но косточки прилипли друг к другу.

— Прошу прощения, господин Коммерции Советник, — сипит

Бухгалтер. — Счеты обледенели. Я пришел сюда из наших главных складов лечебного морковного мороженого. Впрочем, я подсчитаю устно.

Бухгалтер закрывает глаза.

Подсчитывает на пальцах, которые у него еле сгибаются от холода.

Шипит негромко:

— Миллион в уме... Два миллиона в уме... Три миллиона в уме... Так... Готово, господин Коммерции Советник. Эй, вы там, конторщики! Внести сюда сто тысяч талеров. Живо!

Повинуясь приказу Главного Бухгалтера, в комнату, сгибаясь под тяжестью мешков с золотыми монетами, входят четыре замерзших конторщика.

— Смотрите, старушка, — говорит Советник гордо. — Перед вами сто тысяч талеров — и это только самая ничтожная доля моих богатств. Я все могу купить, хозяйка. Я пришел сюда, чтобы купить ваши розы.

— Мне очень жаль, что вы потрудились напрасно, господин Коммерции Советник, — отвечает Бабушка спокойно. — Ведь эти цветы не продаются.

— А вот продаются! — говорит Советник упрямо.

— А вот нет! — возражает непокорная Бабушка.

— А вот продаются!

— А вот ни за что!

— Увидим! — восклицает Советник. — Бухгалтер, выдайте ей десять талеров!

Бухгалтер устремляется к Бабушке с десятью талерами, с заранее заготовленной распиской, с чернильницей и гусиным пером. Эти последние вещи он добывает из карманов своего сюртука.

— Не возьму, — заявляет Бабушка.

— Выдайте ей двадцать талеров, — приказывает Советник.

Бабушка столь же решительно отвергает Бухгалтера с двадцатью талерами.

— Выдайте ей тридцать, — повелевает Советник. — Пятьдесят. Сто. И сто мало? Ну хорошо — двести. Этого на целый год хватит и вам, и этим гадким детям.

— Это очень хорошие дети, — возражает Бабушка. — Отойдите от меня, господин Бухгалтер.

— Сколько же вы хотите, корыстолюбивая старуха? — спрашивает Советник яростно.

— Я уже говорила вам, господин Советник, — отвечает Бабуш-

ка вежливо, но твердо. — Эти цветы подарил нам студент, сказочник, учитель моих ребяташек. А подарки не продаются.

— Вздор! — выпаливает Советник.

— Эти розы — наша радость, — поясняет Бабушка.

— Вздор, вздор, вздор! Деньги — вот радость! Я предлагаю вам деньги, слышите — деньги, понимаете — деньги!

— Господин Советник, есть вещи более могущественные, чем деньги, — говорит Бабушка твердо.

Это заявление ужасает Советника, доводит почти до обморока Бухгалтера, приводит в полное недоумение конторщиков, принесших золото.

— Да ведь это бунт! — вопит рассвирепевший богач. — Значит, деньги, по-вашему, ничего не стоят? Сегодня вы говорите, что деньги ничего не стоят, а завтра скажете, что богатые и почтенные люди ничего не стоят! Вы решительно отказываетесь от денег?

— Да, — отвечает Бабушка.

— В таком случае пусть с вами разговаривает сама Королева, слышите вы, сумасшедшая старуха! — кричит Советник и, надев цилиндр, бросается к двери.

На пороге он сталкивается с новым действующим лицом сказки.

Это долговязый, несколько неуклюжий юноша. Несмотря на нескладность свою, он держится уверенно, просто и весело.

— Ах вот кто пришел, — шипит Советник. — Господин Сказочник. Сочинитель сказок, которым грош цена. Это все ваши штуки! Ну, ничего! Мы с вами рассчитаемся, любезный Ганс Христиан!

— Снип-снап-снурре-пурре-базелюрре! — отвечает ему Сказочник серьезно и спокойно.

— Вздор! — шипит Советник.

— Вздор! — сипит Бухгалтер.

— Вздор! — шепчут конторщики.

— Снип-снап-снурре-пурре-базелюрре, — повторяет Сказочник многозначительно, без тени улыбки.

Советник пожимает плечами и не находит слов, чтобы ответить юноше.

Гордо подняв голову, он выходит из комнаты.

Так же гордо выплывает прочь замерзший Главный Бухгалтер. Заносчиво подняв носы, шествуют за ними конторщики с золотом.

Дверь с шумом захлопывается за ними.

Сказочник, весело смеясь, поворачивается к детям. И сразу делается серьезным.

— Что случилось? — спрашивает он. — Вы испугались, дети? Не нужно! Смотрите, как розы весело кивают нам всем. Они гово-

рят на своем языке: мы с вами, вы с нами, и все мы вместе. Слышите?

Он поднимает палец. Издали-издали раздается едва слышная музыка.

Сказочник смеется, бросается вперед, взмахивает радостно руками и сбивает со стола чашку.

Едва успевает подхватить ее на лету.

— И не стыдно тебе, чашка, — говорит Сказочник укоризненно. — Все эти чашки, чайники, столы, стулья, сюртуки, башмаки из-за того, что я говорю на их языке и часто болтаю с ними, считают меня своим братом и ужасно меня не уважают. Эта чашка вздумала танцевать со мной. Стой! Смирно!

Установив чашку на подобающем ей месте, Сказочник снова поворачивается к ребятам.

И снова его подвижное лицо темнеет.

Веселая болтовня его не рассмешила и не успокоила Герду и Кея.

Взявшись за руки, стоят они, задумчивые и озабоченные.

Сказочник бросается к ним.

— Дети, дети! Неужели этот ледяной Советник так напугал вас?

Герда и Кей переглядываются.

— Я не боюсь, — говорит Кей.

— Я тоже, — поддерживает его Герда не совсем уверенно. — Я... Я только хотела бы узнать, о какой королеве он говорил.

— О Снежной королеве, — отвечает Сказочник серьезно.

— Она повелевает морозами, снегами и метелями. Советник с нею в большой дружбе, ведь она поставляет ему лед. Живет Королева далеко-далеко на севере, но зимой, когда дует северный ветер, она прилетает на черном облаке сюда к нам.

— Полно вам рассказывать сказки! — добродушно ворчит Бабушка. — Смотрите, вы совсем напугали ребят!

И действительно.

Дети еще больше встревожились. Они косятся на окно.

Там на улице разыгралась метель.

Стекла дребезжат под ударами ветра.

— Подите сюда, дети! — зовет Сказочник. — Смотрите на меня!

Он хватая кочергу, лежащую возле очага, и, установив ее на ладони, идет с нею по комнате.

— Многие уверяют, — говорит Сказочник, жонглируя кочергой, — будто я нескладный, неуклюжий, длинноногий парень. А я — видите, ловок, проворен, точен! Будьте спокойны, друзья мои! Что нам сделают Советник и Снежная королева, пока мы веселы и друж-

ны, пока сердца наши горячи? Да ничего. Ну-ка попробуй — тронь нас, ты, Снежная королева! Ах!

Сказочник, увлекшись, делает резкое движение рукой.

Кочерга летит далеко в сторону.

Разбивает стекло в окне.

Свист, звон, вой.

Северный ветер врывается в комнату через разбитое окно.

Лампа, висящая над столом, гаснет.

Снежинки, светясь, вьются и пляшут в темноте.

— Спокойно, дети! — кричит Сказочник. — Это я виноват! Сейчас я зажгу лампу.

Вспыхивает свет.

Все вскрикивают.

Сказочник замирает, стоя на стуле под лампой.

Что это?

Прекрасная, богато одетая, высокая, стройная женщина стоит посреди комнаты.

Она в белом с головы до ног. Огромный бриллиант сверкает у нее на груди.

Холодно улыбаясь, глядит она на Бабушку, Герду и Кея.

Сказочник прыгает со стула. Хочет заговорить, но незнакомка делает едва заметный жест рукой — предостерегающий, повелительный.

И Сказочник умолкает, отшатнувшись.

— Это вы? — спрашивает Герда.

— Кто вы? — спрашивает Кей.

Женщина не отвечает ни слова. Она, очевидно, наслаждается замешательством.

Молча проходит она к бабушкиному креслу, которое стоит возле самого разбитого окна.

Спокойно и величественно опускается она в кресло. Ветер и снег, врывающиеся в комнату, как видно, ничуть не беспокоят ее.

— Сейчас я заложу окно подушкой, — говорит Бабушка.

Женщина не отвечает. Она не сводит глаз с цветущего розового куста.

Суровое, гневное выражение появляется на ее лице.

Она по очереди оглядывает всех находящихся в комнате. Взгляд ее задерживается на Кее.

И снова она холодно улыбается.

Заложив окно подушкой, Бабушка храбро подходит к незнакомке.

— Чем я могу служить вам, сударыня? — спрашивает она.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЬЕСЫ

Ундервуд	7
Клад	46
Голый король	91
Приключения Гогенштауфена	157
Красная Шапочка	220
Снежная королева	254
Тень	311
Дракон	377
Одна ночь	440
Два клена	486
Обыкновенное чудо	528
Повесть о молодых супругах	591

СКАЗКИ

Рассказ старой балалайки	653
Петья-Петух, деревенский пастух	660
Два друга — Хомут и Подпруга	662
Война Петрушки и Степки-Растрепки	665
Новые приключения Кота в сапогах	670
Сказка о потерянном времени	680
Два брата	687
Рассеянный волшебник	700

ПЬЕСЫ ДЛЯ КУКОЛЬНОГО ТЕАТРА

Кукольный город	705
Сказка о потерянном времени	740

ПОВЕСТИ

Приключения Шуры и Маруси	765
Чужая девочка	773

КИНОСЦЕНАРИИ

Доктор Айболит	781
Снежная королева	808
Золушка	856
Первоклассница	890
Повесть о молодых супругах	950
Дон Кихот	1012
Марья-искусница	1071
<i>Николай Чуковский. Высокое слово — писатель</i>	<i>1115</i>